Академия наук Абхазии

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа

Н.В. Касландзия

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО ИСТОРИИ АБХАЗИИ

Сухум – 2021

УДК 93/94
ББК 63.3(5Абх)я45
К - 28

Н. В. Касландзия
Сборник статей по истории Абхазии / Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, АНА.
Сухум: Дом печати, 2021. – 128 с.
Г/р 978-5-111-15-04021

Краткая аннотация

В сборник включены научные статьи по актуальным проблемам отечественной истории. Книга предназначена для научных работников, преподавателей, студентов гуманитарных факультетов и всех интересующихся историей.

Научный редактор:
О. Х. Бгажба,
академик АНА, доктор исторических наук РАН, профессор АГУ.

Рецензент:
В. А. Нюшков,
кандидат исторических наук.

© АбИГИ, 2021
© Н. В. Касландзия, 2021

Этнополитические образования Восточного Причерноморья в I – первой половине VI в.

Исследование взаимодействия абхазских этнополитических единиц с Римом, а позже с Византией актуально как в рамках изучения истории региона Западного Закавказья в позднеантичную и раннесредневековую эпохи, так и с точки зрения анализа имперской внешней политики. Отношения между римлянами, а затем византийцами и их контрагентами, имевшие длительную историю, подвергались серьёзным изменениям с учетом развития международной ситуации.

При императоре Веспасиане произошло масштабное реформирование малоазийских владений Рима. Реформы Веспасиана были подготовлены аннексией «клиентских» царств в Малой Армении. Около 70–72 гг., после вхождения Полемоновского Понта в состав провинции Каппадокия, римские гарнизоны появляются в Восточном Причерноморье. В «Естественной истории» Плиния Секунда, впервые упоминаются крепости Апсар и Себастополис, построенные римлянами, первая – на месте впадения в Черное море одноименной реки (совр. Чорох), вторая – на месте греческого города Диоскуриада. Лежащий к северо-западу от Себастополиса, Питиунт римский автор называет «богатейшим городом», который подвергся нападению гениохов.[1]

[1] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. №№ 1–4; 1948. №№ 1–4. С. 860.

Никаких указаний на присутствие в этот период римских военных в Питиунте нет.

В первые века н.э. Восточное Причерноморье не рассматривалось как территория Римской империи, именно здесь экспансии Рима был положен предел. В административно-территориальных единицах, организованных римлянами на востоке империи, угадывались границы существовавших ранее эллинистических монархий. Включение в состав римского государства регионов с довольно высоким уровнем социально-экономического развития, разветвленной сетью городских центров, устойчивыми традициями государственности происходило относительно безболезненно и было чрезвычайно выгодно для Рима. Краткий период существования в виде зависимых от империи государственных образований завершался полной интеграцией их в административно-территориальную систему Римской империи. Колхида обладала выгодным стратегическим положением, вместе с тем, население Черноморского побережья Кавказа сохраняло свою самобытность. Освоение этого региона представлялось римлянам достаточно сложной задачей, поэтому имперские власти решили ограничиться установлением над этой территорией военного контроля.

С началом функционирования двух римских укреплений в Восточном Причерноморье, с точки зрения В. А. Леквинадзе, можно говорить об организации в регионе особой системы обороны границ империи, под условным названием «Понтийский лимес».[1] Ряд специалистов не разделяет это мнение. Так, К. Цукерман воздерживается от использования означенного термина по причине того, что источникам римского времени он неизвестен.[2] С. М.

[1] Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес» // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 75.

[2] Zukerman K. The Early Buzantine Strongholds in Eastern Pontus // TM. 1991. T. 11. P. 527, n. 1.

Перевалов считает укрепления Черноморского побережья Кавказа частью Каппадокийского лимеса.[1] Украинские исследователи В. И. Кадеев и В. М. Зубарь поставили под сомнение возможность употребления термина «лимес» в отношении аналогичных римских укреплений в Северном Причерноморье.[2] В частности, обращалось внимание на то, «что лимес – это укрепленная линия, сооруженная именно на границе Римской империи, которая состояла из системы различных долговременных защитных сооружений и римских военных лагерей. Для вывода о наличии … специального лимеса недостаточно выделения только формальных признаков, например, того или иного типа укреплений или их системы. Ведь, говоря о лимесе, в первую очередь, нужно доказать, что то или иное государство… юридически входило в состав Римской империи».[3] Вышеизложенное заставляет нас с известной долей осторожности использовать термин «лимес» по отношению к системе укреплений Черноморского побережья Кавказа, существовавшей в I–III вв.

Разместившиеся в Восточном Причерноморье римские гарнизоны находились в подчинении легата провинции Каппадокия, об этом свидетельствует инспекционная поездка, предпринятая Флавием Аррианом в 132 г. Его отчет императору, содержащий сведения военно-политического

[1] Перевалов С. М. Управление Кавказским краем в ранней Римской империи (I–III вв. н. э.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 186.

[2] Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 31; Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 77.

[3] Зубарь В. М. О римских войсках в Херсонесе и его округе в середине II – первой трети III вв. // (в соавторстве с Сарновским Т., Савелей О. Я.) Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschau, 2000. С. 264.

характера, свидетельствует, что Восточное Причерноморье представляло интерес для Рима.

Согласно сообщениям источников, население региона признавало власть Рима. С. М. Перевалов считает, что «после учреждения консулярной провинции Каппадокия… реально именно римский наместник осуществлял контроль за действиями местных династов».[1] По мнению исследователя, признание власти империи «начиналось с церемонии получения короны из рук императора, либо перед его изображением».[2] «Основой для клиентских отношений являлась личная зависимость от императора: Арриан в своём «Перипле» не забывает упоминать о том, какой из правителей Колхиды получил власть из рук правящего Адриана».[3] Из сообщения легата Каппадокии следует, что статус глав апсилов, абасгов, санигов ничем не отличался от статуса главы лазов Малассы, все они именовались «βᾰσῐλεύς».[4] Обратим внимание на имя правителя апсилов – Юлиан. Свидетельство Флавия Арриана о том, что Юлиан получил властные полномочия еще от императора Траяна прежде других «царей», может означать, что апсилы подчинились империи раньше, чем их соседи. Источники ничего не сообщают о происхождении названных царей и характере их властных полномочий.

Во второй половине II – начале III в. позиции империи в регионе укрепляются, свидетельством тому, построенная в этот период римлянами крепость Питиунт. Новый опорный

[1] Перевалов С. М. Управление Кавказским краем в ранней Римской империи (I–III вв. н. э.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 188.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. №№ 1–4; 1948. №№ 1–4. С. 396.

пункт приобретает важное значение, в связи с усилившейся угрозой варварских вторжений. В 40-х гг. III в. римские военные контингенты вынуждены были покинуть Боспор. Боспорцы предоставили свои корабли в распоряжение германцев, которые начали подвергать нападениям причерноморские города и крепости. По словам историка Зосимы, первым атаке воинственного племени боранов подвергся Питиунт, «окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань».[1] Командир питиунтского гарнизона Сукессиан сумел грамотно организовать оборону и отбил нападение германцев. Зосима отмечал, что «варвары», опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав об этом и соединившись с питиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв под Питиунтом многих из своих».[2] Показательны слова историка о том, что умелые действия римского военачальника спасли от разорения население Восточного Причерноморья. Без сомнения, крепость Питиунт имела ключевое значение для обеспечения безопасности данного региона. Несколько лет спустя, после неудачной попытки захвата святилища фасианской Артемиды, германцы решили вновь попытать счастья под стенами Питиунта. На этот раз он осады боранов не выдержал. Крепость пала, её гарнизон был уничтожен. Вслед за Питиунтом разграблению подвергся Трапезунд. Добраться до малоазийского города германцы смогли, «раздобыв большое количество судов» на рейде Питиунта, «воспользовавшись для плавания пленными, умевшими грести».[3] Надо полагать, что последний служил не только стоянкой для торговых кораблей, но и был местом базирования военных судов римлян.

[1] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. №№ 1–4; 1948. №№ 1–4. С. 707.

[2] Там же. С. 708.

[3] Там же.

Захват Питиунта позволил боранам заполучить значительное количество кораблей, на которых они достигли Трапезунда. По свидетельству автора «Новой истории», здесь «… варвары овладели бесчисленным множеством сокровищ и пленных…».[1] Обращает на себя внимание тот факт, что в повествовании Зосимы не фигурируют римские укрепления в Лазике. На её территории германцев, согласно сведениям историка, привлекло лишь богатое языческое святилище. Складывается мнение, что наиболее значимыми военными базами империи в регионе Восточного Причерноморья были Трапезунд на малоазийском побережье и Питиунт на Кавказе. Именно они стали объектами нападения германцев. Известно, что Трапезунд являлся не только военным, но и крупным городским центром, богатство которого, надо полагать, и прельстило «варваров». Упорное желание боранов захватить Питиунт можно объяснить тем, что последний был не просто важной римской крепостью Западного Закавказья, но и средоточием экономической и культурной жизни региона.

В III в. империя, переживавшая серьёзный кризис, пыталась отстоять свои позиции в Северном и Восточном Причерноморье. Угрозу для Рима здесь представляли германские племена: готы и бораны. Рим не сумел обеспечить защиту жителей побережья Понта, на море господствовали германские пираты. Зосима сетовал: «…на Востоке … все безвластно и беспомощно». Из «Канонического послания» епископа Григория Неокесарийского известно, что некоторые жители Понта примкнули к «варварам». Осуждая творимые ими беззакония, епископ отмечал: «Другие же обольщаются, удерживая чужое, которое нашли, вместо своей утраченной собственности, чтобы, после того как Ворады (Бораны – Авт.) и Готы причинили им то, что связано с войной, им самим сделаться Ворадами и Готами для

[1] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. №№ 1–4; 1948. №№ 1–4. С. 709.

других».[1] Очевидно, что с поставленными перед ней задачами система укреплений Восточного Причерноморья не справилась. В научной литературе существует мнение, что нашествие «варваров» на Восточное Причерноморье заставило римские гарнизоны на время покинуть крепости. В. А. Леквинадзе писал, что «после того как положение Римской империи на Востоке стабилизировалось … римляне снова восстановили – полностью или частично «Понтийский лимес».[2] Израильский ученый Б. Исаак считает, что после III в. понятие «лимес» утратило свой первоначальный смысл и более не применялось для обозначения пограничных укреплений, этим термином стали именоваться военные округа.[3] В результате реформ Диоклетиана, в конце III в. военно-административная система империи подверглась глубоким преобразованиям. Были организованы 12 диоцезов, в том числе и Понтийский, который включал в себя часть Малой Азии и Армению. Вооруженными силами командовал дукс Понта и Армении, в его подчинении находились и воинские контингенты, дислоцированные в крепостях Себастополис, Питиунт и Зиганис. Таким образом, утверждение В. А. Леквинадзе о военном присутствии империи на побережье Кавказа в IV–V вв. справедливо лишь в отношении северной части Колхиды. Он вынужден был признать отсутствие в IV– V вв. в Фазисе римско-византийской крепости.[4] Это обстоятельство Г. А. Меликишвили и Н. Ю. Ломоури связывали

[1] Творенія святаго Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго. / Пер. проф. Николая Сагарды. – Петроградъ: Типографія М. Меркушева, 1916. С. 58–61. www.tvorenia.russportal.ru/

[2] Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес» // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 81.

[3] Isaac B. The Meaning of «Limes» and «Limitanei» in Ancient Sources, Journal of Roman Studies 78(1988), 125–147.

[4] Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес» // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 81.

с образованием Лазского царства.[1] Н. Ю. Ломоури считает, что нет оснований утверждать о наличии римских военных в Колхиде «в конце IV и начале V вв., т. е. в период наибольшего усиления и расширения Лазского царства, подчинившего себе всю Западную Грузию».[2] Автор приходит к выводу, что «начиная с конца IV в. и вплоть до 20-х годов VI в. в прибрежных городах и крепостях Западной Грузии не было римско-византийских гарнизонов … защиту прибрежной полосы осуществляло само Лазское царство».[3] Однако убедительных доказательств того, что в означенный период произошло усиление Лазики, тем более включение в её состав Апсилии и Абасгии, исследователь не приводит, тогда как вызывает сомнение даже сам факт существования государственности у лазов в IV–VI вв.

У византийских историков конца IV–V вв. мы не находим информации о присутствии в этот период ромейских гарнизонов в Лазике. Аммиан Марцеллин, касаясь вопросов византийско-персидских взаимоотношений, не рассматривает Лазику в качестве проводника интересов империи в Закавказье, ничего не сообщает о наличии на её территории военных баз ромеев. Он чётко отличает Лазику от ромейской территории, так, по его словам, изменивший иранскому шаху Шапору, правитель Армении Пара и его приближенные «бежали в крутые горы, которые отделяют наши пределы от Лазики».[4] В то же время, описывая Черноморское побережье, Аммиан Марцеллин причисляет Питиунт к византийским городам: «За Вифинией простираются провинции Понт и Пафлагония, в которых лежат Гераклея (Эрекли), Синоп, Полемоний и Амиз, значительные города Тиос и Амастрида (Амастра), – все они основаны предприимчивыми греками, – Кераз (Киризонт), откуда Лукулл привез плоды, носящие имя этого города, скалистые острова, на которых расположены небезызвестные города Трапезунд и Питиунт (Пицунда)».[1]

Приск Панийский освещает конфликт между византийцами и лазами, имевший место в 50–60 гг. V в., в период правления императоров Маркиана (450–457) и Льва I (457–474). О причинах обострения отношений империи с Лазикой историк не сообщает. Он начинает своё повествование с того, что ромейское войско вторглось в Колхиду. Судя по всему, военная экспедиция византийцев не была успешной, поскольку сразу по её окончании ромейские военачальники начали подготовку к новой войне. По словам Приска, они размышляли над тем: «тою ли же дорогою, или через Армению, сопредельную с Персиею, надлежало нанесть войну лазам... Им казалось трудным проехать морем мимо мест неудобоприступных: Колхида совсем без пристаней».[2] Из приведенного отрывка следует, что византийские военные не располагали опорными пунктами в Лазике. При наличии у ромеев крепостей на побережье Лазики переброска войск морем не вызвала бы особых трудностей. Пассаж Приска об отсутствии в Колхиде удобных гаваней мы рассматриваем как важный аргумент в пользу мнения о том, что в означенный период укреплений империи в Лазике не было.

[1] Ломоури Н. Ю. К выяснению некоторых сведений «Notitia Dignitatum» и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 67; Меликишвили Г. А. К истории Древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 285.

[2] Ломоури Н. Ю. К выяснению некоторых сведений «Notitia Dignitatum» и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 67.

[3] Там же.

[4] Аммиан Марцеллин. Римская история / Перевод с латинского Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 2000. С. 403.

[1] Аммиан Марцеллин. Римская история / Перевод с латинского Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 2000. С. 254.

[2] Сказания Приска Панийского / Перевод Г. С. Дестуниса // Ученые записки второго отделения императорской академии наук, Книга VIII. Вып. 1. СПб., 1861. С. 83.

Следует обратить внимание и на сообщение историка о том, что византийская дипломатия пыталась обеспечить нейтралитет Ирана в конфликте империи с лазами. Вовлеченный в войну с гуннами-кидаритами, шах оставил без внимания просьбу лазов о помощи. Однако сам факт того, что ромеи до возобновления военных мероприятий в Лазике хотели заручиться согласием персов, свидетельствует о том, что византийцы действовали в регионе осторожно, стараясь не вызвать раздражения Ирана. Скорее всего, Лазика, расположенная на окраине двух империй, являлась некой разделительной зоной между Византией и Ираном, и статус её не был чётко определен. По свидетельству Приска, во второй половине 60-х гг. V в. прибывший на переговоры в Константинополь лазский царь Губаз «носил персидскую одежду и был окружен телохранителями по обычаю мидийскому».[1] В тоже время, византийский историк отмечает, что правитель лазов добился расположения императора Льва I «ношением на себе христианских символов».[2] Эклектика во внешнем облике царя Губаза как нельзя лучше характеризует положение Лазики, балансировавшей между двумя державами. Ромеи, высказавшиеся за восстановление единоначалия в Лазике, нарушенного действиями лазского царя, не применили к Губазу никаких санкций. Комбинируя дипломатические и военные методы, империя пыталась сохранить свое влияние в этой области Закавказья. Так, византийцы отозвались на просьбу лазского царя, преемника Губаза, о помощи в конфликте со сванами. Правитель Лазики настаивал на присылке к нему войск, охранявших «пределы Римской Армении». «По близости мест, утверждали послы, он (т. е. владетель Лазский) мог получить от того войска скорое вспо-

[1] Сказания Приска Панийского / Перевод Г. С. Дестуниса // Ученые записки второго отделения императорской академии наук, Книга VIII. Вып. 1. СПб., 1861. С. 92.

[2] Там же.

можение, не подвергаясь опасности в ожидании другой, издалека идущей силы. По прибытии того войска, хотя бы война и продлилась, он не терпел бы разорения от больших расходов, как то случилось с ним в прежнее время…».[1] Лазы напомнили византийцам о том, что ранее их царь «должен был отправить назад пришедшее к нему войско, которого содержание стоило ему больших издержек».[2] Таким образом, взаимодействие Лазики и империи ограничивалось посылкой ромеями военных контингентов по просьбе лазских правителей. Тем самым, византийцы противодействовали попыткам персов и их союзников иберов закрепиться в Лазике. Анализ сведений, содержащихся в труде Приска Панийского доказывает, что византийских военных на лазской территории в середине V в. не было.

Иначе обстояло дело в Северной Колхиде, где положение ромеев выглядело прочным. Действительно, источники свидетельствуют, о том, что после «кризиса III в.» римляне сумели сохранить свое влияние в Абасгии и Апсилии. Нельзя не согласиться с мнением о том, что «… римские войска при Феодосии стояли только в северной Колхиде – в Питиунте, Севастополисе, Зиганне, а центральная и южная часть восточного побережья Черного моря оставалась незащищенными».[3] «В IV–V вв. о присутствии в Фазисе римско-византийского гарнизона в источниках… ничего не сказано», констатировал Ю. Н. Воронов.[4] Опорные пункты империи в Абасгии и Апсилии после разрушительного

[1] Сказания Приска Панийского / Перевод Г. С. Дестуниса // Ученые записки второго отделения императорской академии наук, Книга VIII. Вып. 1. СПб., 1861. С. 97.

[2] Там же. С. 92.

[3] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 39.

[4] Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998. С. 36.

нашествия готов были восстановлены. Общие хронологические рамки археологического материала, выявленного Пицундской экспедицией, охватывают I–VI вв.[1] «Основной восстановленный строительный слой оборонительных сооружений всего Питиунта можно датировать, по-видимому, IV в.», отмечал В. А. Леквинадзе, «ибо веерообразная форма восстановленных башен кастелла является характерной для фортификационного строительства эпохи Константина».[2] Уже в IV в., после восстановительных работ, крепостные сооружения Питиунта были объединены с канабой, составив единую оборонительную систему. «На территории канабы Питиунта раскопан древнейший из известных в Восточном Причерноморье христианский храм»,[3] его строительство датируется первыми десятилетиями IV в. Обратим внимание «на отсутствие точно датированных христианских памятников IV–V вв.» в соседней Лазике.[4] Известно, что глава пицундских христиан епископ Стратофил принимал участие в работе I Вселенского собора, который проходил в г. Никее в 325 г. Для Питиунта «вторая половина III в. характеризуется значительным количеством нумизматических находок. Еще более представлен монетами IV в.».[5] Более того, археологический материал соответствующего периода свидетельствует об укреплении положения империи в регионе, интенсификации связей ромеев как с населением прибрежных районов, так и с жителями предгорий. Распространение предметов позднеримского/ранневизантийского вооружения, которое фиксируется на могильниках Цебельды, говорит о военно-политическом сотрудничестве апсилов с византийцами.[1]

[1] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 69.

[2] Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес» // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 85.

[3] Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998. С. 42.

[4] Виноградов А., Гугушвили Ш. Абхазский католикосат. Его возникновение и ранняя история (VIII–X вв.). М., 2013. С. 6.

[5] Анчабадзе З. В. Избранные труды (в двух томах). Т. I. Сухум, 2010. С. 189.

Данные о форпостах империи в Абхазии в III–V вв. сохранились в житийной литературе. Интересные сведения содержатся в «Мученичестве святого Орентия». За отказ принести жертву языческим богам воин Орентий и шесть его братьев были сосланы на Кавказ в период правления императоров Диоклетиана и Максимиана. По пути все они скончались. В качестве мест погребения мучеников названы населенные пункты восточного побережья Черного моря от Трапезунда до Питиунта. «Историки давно обратили внимание на то, что описание судьбы изгнанников носит характер перипла…».[2] В «Мученичестве» перечислены опорные пункты римлян, служившие, помимо прочего, остановками для судов в Восточном Причерноморье. Среди них отсутствует Фазис. После расположенной на границе лазских земель крепости Апсар следующей точкой маршрута назван Зиганис, находившийся на территории Апсилии. Здесь нашел упокоение один из сосланных братьев – Кириак. Лишь Лонгин, последний из изгнанников, был погребен в Питиунте. Крепость Питиунт была определена местом ссылки и для других воинов-мучеников – Евгения, Кандида, Валериана и Акилы. Однако позже приговор был ужесточен, за приверженность Христу они были сожжены. Л. Г. Хрушкова отмечает: «Ссылка Орентия с бра-

[1] Воронов Ю. Н. Научные труды. Т.2. Сухум, 2009. С. 543–556; Казанский М. М., Мастыкова А. В. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиума (II–VII вв.). Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа (Материалы конференции). Сухум, 2011. С. 102–116.

[2] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 55.

тьями и Евгения со товарищами – косвенное свидетельство того, что в эпоху Диоклетиана в Питиунте здесь стоял римский гарнизон. Пункт, который не охраняется и не контролируется, вряд ли может быть местом отбывания наказания».[1] Крепость Питиунт неоднократно фигурирует в качестве места заключения неугодных византийским властям лиц. Так, Феодорит Киррский в своей «Церковной истории» писал, что видного церковного деятеля и богослова Иоанна Златоуста в самом начале V в. «сослали в один небольшой и пустынный городок Армении, которого имя Кукуз, а оттуда хотели перевести в Питиунт, на пределы Понта и Римской империи, на границу с самыми дикими варварами».[2] Показательно, что в данном сообщении Питиунт обозначен как византийская крепость, конечный пункт имперской власти в Восточном Причерноморье. В 80-х гг. V в. Питиунт должен был стать местом ссылки антиохийского патриарха Петра Кнафея, изгнанного императором Зеноном. Однако обвиненному в ереси церковному иерарху удалось бежать в Амасею. Следовательно, римские укрепления на территории Апсилии и Абасгии продолжали функционировать в конце III – начале IV в.

Выводы, сделанные на основе анализа агиографической литературы, подтверждаются сведениями такого важнейшего источника как «Notitia Dignitatum». «Notitia Dignitatum» – документ, который отражает гражданскую и военную организационную структуру Римской империи в том виде, как она существовала после реформ императора Диоклетиана (284–305 гг.). В историографии нет общепризнанной датировки памятника, считается, что он был создан между 378 и 427/29 гг. Среди прочих, в документе даётся перечень военных подразделений, дислоцировавшихся в

[1] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 56.

[2] Феодорит епископ Кирский. Церковная история. М., 1993. С. 208.

Восточном Причерноморье, «…эти гарнизоны перечисляются … в порядке иерархии командирских должностей, что даёт возможность судить и о степени важности или о размерах той или иной крепости».[1] Первым в списке фигурирует Пития (Питиунт), где была расквартирована Ala prima felix Theodosiana. Согласно данным «Notitia Dignitatum» в крепости Себастополис располагалась Cohors prima Claudia equitata, а в Зиганне – Cohors secunda Valentiana.[2] Локализация других понтийских крепостей списка проблематична. Н. Ю. Ломоури поставил под сомнение, что перечисляемые в «Notitia» военные объекты, как то Пития, Себастополис, Зиганна и другие, находились на восточном побережье Черного моря.[3] Исследователь предпринял попытку отождествить указанные крепости со сходными по звучанию пунктами, расположенными за пределами Колхиды. Согласно утверждению грузинского ученого, в IV в. образовалось Лазское царство, после чего, нахождение на его территории подчиненных дуксу Армении римских воинских подразделений выглядит маловероятно. По его мнению, в указанном документе речь идёт о римских укреплениях на территории Армении и Малой Азии. При этом епископскую кафедру Зиганеоса византийских церковных эктезисов, в отличие от Зиганны «Notitia», он локализует на территории современного села Гудаа, а Питиунт и Себастополис помещает в северной Колхиде, безоговорочно причисляя к «приморским городам Лазики».[4] Такая двойственность в подходе к исто-

[1] Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес» // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 81.

[2] «Notitia Dignitatum»: accedunt Notitia urbis Constantinopolitana et Laterculi provonciarum / Ed. O. Seeck, 1876. P. 65 Or. XXXI. 55.

[3] Ломоури Н. Ю. К выяснению некоторых сведений «Notitia Dignitatum» и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 60.

[4] Там же. С. 60–66.

рическому материалу лишает выводы Н. Ю. Ломоури научности и объективности. Попытки локализации укреплений Пития, Себастополис, Зиганна, которые упомянуты в «Notitia Dignitatum» за пределами Абасгии и Апсилии выглядят безосновательно.

Обратим внимание на один примечательный факт, когда после длительного перерыва, в VI в., военное присутствие империи в Лазике было возобновлено, византийские военные контингенты, размещавшиеся в Апсилии и Абасгии, продолжали находиться в ведении командования в Понте. Напомним, что со II в. римские крепости в Восточном Причерноморье подчинялись легату Каппадокии, малоазийской провинции империи, в состав которой входил Полемоновский Понт. В середине VI в., согласно XXVIII новелле кодекса Юстиниана, в числе городских центров византийской провинции Полемоновский Понт, наряду с Неокесарией, Команой, Трапезунтом, Керасунтом, Полемоном, названы расположенные на территории Апсилии и Абасгии Себастополис и Питиунт. При этом уточняется, что последние следует скорее считать крепостями, чем городами.[1] Лазские городские или военные центры в этот список не вошли и перечислены отдельно. Следовательно, военные объекты в Северной Колхиде находились в подчинении командования византийских войск, дислоцировавшихся в Понте. Крепости Абхазии входили в состав Понтийского диоцеза вплоть до VII в. Ничего не говорит о том, что эта традиция когда-либо прерывалась, и, кстати, косвенно указывает на то, что Апсилия и Абасгия в IV–VI вв. не входили в состав Лазики. О том, что византийцы контролировали северную Колхиду, свидетельствует не только наличие в регионе значительных крепостей, но и факт активного привлечения местного населения на службу империи.

[1] Novellae Constitutiones (на латинском языке) http://webu2.upmf.grenoble.fr/DroitRomain/Corpus/Novellae.htm

Население абхазских этнополитических образований было привлечено римскими, а затем византийскими властями к охране имперских границ. Следует особо отметить роль апсилов в охране стратегически важного Клухорского перевала, которую они осуществляли в тесном взаимодействии с византийцами. По мнению исследователей (М. М. Трапш, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, М. М. Казанский), археологический материал из цебельдинских некрополей (IV–VI вв.) даёт основания говорить не только о высокой степени милитаризированности населения этой области Апсилии, но и о выделении слоя воинов – профессионалов. Военная элита отличалась от основной массы наличием престижного вида вооружения. Зафиксированы захоронения всадника с конем.

В других районах процесс кристаллизации военной знати шел менее успешно. Достаточно сравнить некрополи Цебельды с синхронными могильниками Ачандары, Атары-Армянской, Нижней Эшеры, Куланырхва, принадлежащих общинам, которые располагались в стороне от стратегически значимых пунктов. В могилах предметы вооружения практически отсутствуют, элитных погребальных комплексов не выявлено. А. Ю. Скаков и А. И. Джопуа отмечают: «Могильник Цоухуа (в Ачандаре), как представляется, оставлен группой сельского населения, в которой, судя по отсутствию предметов вооружения и крайне бедному инвентарю, не было представителей военной верхушки общества, но его инвентарь имеет некоторые аналогии в некрополях Цебельды». Некрополь Цоухуа датируется исследователями IV–VI вв. Таким образом, процесс выделения прослойки военной элиты шёл ускоренными темпами в местностях, расположенных вдоль магистралей, имевших важное торговое или военное значение.

Согласно «Notitia Dignitatum», в египетском оазисе Хибеос на рубеже IV–V вв. была расквартирована «Ala prima

Abasgorum», конное подразделение, сформированное из абасгских воинов. Данный факт помимо «Notitia Dignitatum» подтверждает документ, известный как «Папирус Гисса», датируемый 309 г. Воинские контингенты, укомплектованные из лазов, источникам неизвестны.

Апсилы, абасги, мисимиане были ограничены в проведении самостоятельных военных мероприятий, их участие в походах или охрана границ осуществлялись под эгидой и руководством римлян, а затем византийцев.

Постоянно действующая сеть фортификационных сооружений, активное привлечение местного населения на воинскую службу указывают на непрерывность властвования империи над Северной Колхидой в течение шести столетий. Ю. А. Кулаковский отмечал, что только в период правления Юстина: «…восточное побережье Черного моря вошло в более близкие отношения к империи… прежде в обладании империи находились только две крепости, Питиунт и Севастополь …».[1] «В V в. только в этих двух крепостях удержались римские гарнизоны. Так было и в начале правления Юстиниана. Через эти два пункта шли сношения империи с племенами внутреннего Кавказа и, в частности, с аланами…».[2] Таким образом, в IV–V вв. византийцы располагали в Северной Колхиде крепостями с достаточным военным контингентом.

Подчинение римских, а затем византийских крепостей на территории Абасгии и Апсилии военному командованию в Понте свидетельствует о том, что земли Северной Колхиды, если и не рассматривались как «ромейские», то были в высшей степени интегрированы в имперскую военно-административную систему.

Вышесказанное убедительно свидетельствует в пользу того, что Апсилия и Абасгия признавали над собой власть

[1] Кулаковский Ю. А. История Византии Т. II: 518–602 годы. СПб., 1996. С. 37.

[2] Там же. С. 35.

империи. В этой связи вызывает сомнение утверждение Прокопия Кесарийского о давней зависимости абасгов и апсилов от лазов. Модель взаимоотношений империи с Лазикой должна была отличаться от той, которая имела место быть в отношении тех областей региона, где источники фиксируют римское военное присутствие. Лазы постоянно лавировали между двумя ведущими политическими игроками в Закавказье – Византией и Ираном. Ф.И. Успенский отмечал: «Не представляя сама по себе значения, как страна бедная и не производящая необходимых для жизни продуктов, Лазика, тем не менее, была предметом особенных попечений со стороны Персии и особенно Византии и несколько лет служила театром ожесточенных войн. Можно догадываться, что обладание этой страной рассматривалось как средство политического и экономического влияния на Кавказе и по Черноморскому побережью».[1] Ромеи пытались заставить лазов следовать в фарватере имперской политики в регионе, оказывали военную помощь в случае угрозы со стороны персов. Однако возможностей для упрочения влияния империи в Лазике было немного. В случае усиления нажима со стороны византийцев лазы обращались к персам. Несмотря на ряд мер военного и дипломатического характера, которые были предприняты персами с целью противодействия внешнеполитической экспансии Ромейской державы в регионе, предотвратить рост влияния византийцев в Лазике им не удалось.

К исходу 20-х гг. VI в. следует отнести возобновление военного присутствия империи в Лазике. Византийцы занимают лазские укрепления, в дополнение к этому, по инициативе ромейского военачальника Иоанна Цива, на побережье Лазики была построена крепость Петра, ставшая опорным пунктом империи в регионе. С появлением ромейских во-

[1] Успенский Ф. И. История Византийской империи (VI-IX вв.). Т. I., СПб., 1996. С. 308.

енных на территории лазов, характер взаимоотношений последних с византийцами должен был измениться. Военное и экономическое давление со стороны империи значительно ограничивало самостоятельность местной элиты, зависимость лазов от византийцев усилилась. Негативная реакция лазов не заставила себя ждать. Прокопий сообщает: «…варвары были недовольны тем, что войско римлян пребывало у них, чего не было раньше. Не в силах больше выносить это, они решили перейти на сторону персов…».[1] Это свидетельство византийского историка ещё раз подтверждает тот факт, что размещение имперских воинских контингентов было новым для Лазики явлением. Прибывшие к Хосрову лазские послы заявили, что византийцы оставили их правителю «только видимость царской власти, они отняли у него реальную власть, и царь находится в положении служителя, боясь повелевающего стратига. Поставили … огромное войско не для того, чтобы охранять нас от тех, кто нас беспокоит (ибо никто из соседей нас не беспокоил, кроме самих римлян), но для того, чтобы, как бы, заперев нас в тюрьму, стать господами нашего достояния».[2] Имперские власти настороженно относились к лазам, которые при любом удобном случае могли изменить союзническому долгу. Усиление Лазики, передача под власть ее царей Апсилии и Абасгии не соответствовали интересам Византии.

В случае перехода лазов на сторону персов, Константинополь лишался бы контроля над территорией подчиненных лазам народов. Имперские власти, надеясь прочнее привязать к себе Лазику, были заинтересованы в создании прочного альянса этнополитических образований Западного Закавказья. На существование такого военно-политического союза указывают слова Прокопия Кесарийского о том, что подвергшиеся нападению персов, апсилы обратились за помощью к ромеям и лазам.[1]

[1] Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод, статья, комментарии А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 125.

[2] Там же. С. 126.

Византийцы пытались создать видимость политического единства региона, связав Лазику, которую Менандр называет «спорной страной» с территориями, прочно контролировавшиеся империей, Абасгией и Апсилией. Источники не содержат сведений о том, что персы когда-либо ставили под сомнение право империи на владение этими областями, как это было в отношении Лазики и Свании. Всякая попытка Ирана по праву войны закрепиться в Апсилии или Абасгии вызывала незамедлительный и решительный отпор со стороны ромеев. Прокопий, называя апсилов «подданными лазов», в то же время, с раздражением замечает, что после захвата крепости Цибилиум персы «стали думать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсилии».[2] Для византийского историка установление контроля иранцев над Лазикой вовсе не предполагал автоматический переход под власть шаха и Апсилии. Заметим, что на переговорах в Даре византийцы по «вопросу Свании» руководствовались совсем иной логикой. На прочность позиций и длительность пребывания византийцев в Северной Колхиде указывают слова Прокопия о том, что в Абасгии проживали ромеи. Речь, скорее всего, идет об отставных солдатах – ветеранах. К VI в. число ромейских колонистов было значительным: «…Римские воины, посылаемые императором и уже давно расселившиеся среди них во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи: вместе с тем, они ввели у них некоторые новые порядки».[3] При этом историк ничего не сообщает о

[1] Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / Перевод С. П. Кондратьева. М., 1996. С. 41.

[2] Там же.

[3] Там же.

реакции на эти действия лазов, которая бы обязательно последовала, будь абасги их подданными. Все мероприятия империи в отношении абасгов проводятся без всякого участия лазов. Важные события в жизни Абасгии, как то – ликвидация царской власти, отказ от язычества и переход к христианству – происходят под влиянием византийцев. Выступление абасгов в середине VI в. также было направлено против ромеев. В военной экспедиции по его подавлению, организованной византийцами, лазы участия не принимали. Агафий Миринейский свидетельствует, что византийский полководец Бесс, у которого возник конфликт с лазским царем Губазом, по обвинению в провале военной кампании империи против персов был сослан Юстинианом «в страну абасгов и там должен был оставаться, выжидая дальнейших о нем распоряжений».[1] В 70-х гг. VI в. абасги упомянуты в качестве участников похода византийцев против персов отдельно от лазов.[2]

Таким образом, в течение I–VI вв. абхазские этнополитические образования находились в зависимости от Римской империи, а позже Византии. Взаимоотношения римлян с абхазскими этнополитическими образованиями можно охарактеризовать как союзнические и взаимовыгодные, хотя – и не вполне равноправные. Римляне и его союзники проводили координированную политику, направленную на расширение военно-политического и экономического сотрудничества. После «кризиса III в.» римляне утратили контроль над Лазикой, но не над Северной Колхидой. Наличие римских, а позже византийских военных объектов на территории Абасгии и Апсилии фиксируется целым рядом источников IV–V вв. В условиях римского, а затем византийского военного присутствия Абасгия и Апсилия не могли перейти под власть лазов. В означенный период Лазика играла роль «буферной зоны» между Ираном и Византией, выступая в качестве арены борьбы между «великими» державами. К началу VI в. относится укрепление имперских позиций в Лазике. Этот факт вызвал негативную реакцию со стороны Ирана, спровоцировав затяжной военный конфликт.

[1] Избранные отрывки из «Истории» Агафия Миринейского. Известия Агафия Миринейского о Лазике и Кавказе / Перевод М. В. Левченко // Византийский временник. Том 3 (28). 1950. С. 310.

[2] Византийские историки (Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Нопнос, Феофан Византиец) / Перевод С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 494.

Средневековая рукописная хроника о военной акции русов в конце X в.

В 1902 г. филологом, историком, археографом Федором Давидовичем Жордания были опубликованы историческая хроника и комментарии к ней. Рукописный текст, выполненный грузинским церковным письмом «хуцури», сохранился в составе древнего требника, принадлежавшего автору публикации. К сожалению, Ф. Д. Жордания не пояснил, при каких обстоятельствах он оказался владельцем указанной богослужебной книги. Ф. Д. Жордания был собирателем древностей, прежде всего, рукописей.[1] Известно, что он являлся уроженцем села Моква, а его отец более пятидесяти лет служил в церкви при Моквском монастыре. Требник, содержавший ценные записи, мог происходить с территории Абхазии. Рукопись по воле ее владельца и публикатора получила название «Хроника абхазских царей». Ф. Д. Жордания писал: «Рассматриваемая хроника начинается историческими сведениями об абхазских царях, почему мы назвали ее «Хроникой абхазских царей» в отличие от пятнадцати других собранных нами отдельных хроник, касающихся позднейших веков и имеющих с первой меньшее значение. Трактуя о событиях X–XV веков, хроника абхазских царей дает нам драгоценные хронологические и исторические сведения, подтверждающие и, чаще всего, исправляющие установленную трудами царевича Вахушти и академика Броссе хронологию».[1]

[1] Православная энциклопедия. Т. 19 http://www.pravenc.ru/text/182337.html

Составитель хроники использовал две системы летоисчисления. Грузинский счет лет, основанный на 5604-х годичном периоде от сотворения мира и 532-летнее кругообращение, которое называлось «Великим индиктионом» (короникон). По мнению издателя и комментатора источника, данный факт служит неопровержимым доказательством того, что «хотя рассматриваемая рукопись, вместе с помещенном в ней «кинклосом», писана почерком XV в., но она списана с древнего оригинала».[2]

Между сообщениями о датах смерти царей Дмитрия и Георгия (имеются в виду цари абхазов Дмитрий III и Георгий III), которые отнесены соответственно к 981 г. и 1028 г., помещено интересующее нас краткое сообщение, которое мы приводим в переводе Ф. Д. Жордания: «Короникона 211 (991 г.) от сотворения мира 6595 в этом году вышли руссы».[3]

Наименование «pusni» («русни») (в переводе Ф. Д. Жордания – «русси»), использованное автором «Хроники абхазских царей», безусловно, соотносится с «ros» византийских, «ар-рус» – арабских, «рузики» – армянских источников. Все эти формы передают наименование «русь». Не вторгаясь в продолжающиеся в течение уже двух с половиной столетий споры о происхождении термина «русь», отметим, что нельзя не согласиться с мнением Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина о том, что он претерпел длительную эволюцию. Слово «русь» «первоначально использовавшееся для обозначения войнов – скандинавов, военной элиты «во главе с князем (именно это значение мы находим в трактате византийского императора Константина Багрянородного в

[1] Жордания Ф. «Хроника абхазских царей» // «Духовный вестник Грузинского экзархата». №№ 13–14. Тифлис, 1902. С. 2.

[2] Там же. С. 1.

[3] Там же. С. 6.

середине X в.) развилось далее в наименование земель и народов (славянских и финских), подвластных «русскому» князю, и, наконец, стало обозначением Древнерусского государства и восточных славян как доминирующего в нем этноса».[1] Источники X в.: Лиунтпранд Кремонский, Константин Багрянородный, хроника Псевдо-Симеона, Георгий Амартол (по Ватиканскому списку), Продолжатель Феофана прямо говорят о скандинавском происхождении «россов» («руссов»). Значение термина «рос», близкое к профессионализму, зафиксированному в византийских военных и морских трактатах X в., где «росы» представляют собой воинский контингент…».[2]

Известный исследователь А. А. Горский пишет: «Не вызывает серьезных сомнений, что скандинавское происхождение имела древнерусская княжеская династия, т. н. «Рюриковичи»…, что выходцы из Скандинавии и их потомки составляли значительную часть дружин русских князей IX–X вв.».[3] В конце X в. произошло распространение названия «русь» на полиэтничные дружины, что вело к быстрому размыванию первоначальной этнической приуроченности его к скандинавам. Поэтому в «составе русов можно представить лиц разного происхождения: скандинавского, славянского, вполне возможно, финского».[4]

[1] Мельникова Е. А. Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.

[2] Бибиков М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 55–56.

[3] Горский А. А. От славянского расселения до Московского царства. Очерк 3. Русь и Варяги. М., 2004. http://statehistory.ru/books/Anton-Gorskiy_Rus-Ot-slavyanskogo-Rasseleniya-do-Moskovskogo-tsarstva/4.

[4] Кирпичников А. Н. Великий волжский путь и международная торговля и этнокультурная интеграция в эпоху раннего средневековья. Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. I. http://arheologija.ru/kirpichnikov-velikiy-volzhskiy-put-i-mezhdunarodnaya-torgovlya-i-etnokulturnaya-integratsiya-v-epohu-rannego-srednevekovya/

Комментируя рассматриваемое известие хроники, Ф. Д. Жордания отмечал, что грузинское «gamovides» – («вышли») употреблено в смысле нашествия или выступления в поход. Отсюда точный смысл текста нашей хроники таков: «в 991 году русы (русские) предприняли поход».[1] По мнению Ф. Д. Жордания, речь может идти о нападении руси на восточную часть Грузии и Армении «о которых без хронологических указаний повествует армянский историк X в. Моисей Каганкатваци или неизвестное нашествие Тмутараканских русских близкими соседями тогдашнего Абхазского царства, на берега Абхазии и всего Черного моря. Последнее мнение нужно считать более вероятным в виду того, что «Абхазская хроника» повествует главным образом о событиях Западной Грузии особенно же в первой своей части (до XI в.)».[2] Действительно, сообщения, содержащиеся в начале «Хроники», касаются Абхазского царства.

Чтобы быть упомянутым в краткой хронике, событие должно было быть масштабным. Если значительные военные мероприятия руси на исходе X в. коснулись картлийских или армянских земель, то они непременно нашли бы отражение в грузинских и армянских источниках. Армянский историк Степанос Таронский (Асохик), подробно описывающий незначительный конфликт, произошедший между иверийцами и отрядом руси (у Асохика «рузы» – Авт.), прибывшем в составе войск византийского императора Василия II в Тао в 1000 г.,[3] ничего не сообщает о каких-либо

[1] Жордания Ф. «Хроника абхазских царей» // «Духовный вестник Грузинского экзархата». №№ 13–14. Тифлис, 1902. С. 7.

[2] Там же.

[3] Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Перевод Н. Эмина. М., 1864. С. 200–201.

крупных военных действиях в Закавказье с участием руси, до или после указанного инцидента. Сведения другого армянского автора Аристакеса Ластиверцы ограничиваются упоминанием эпизода, известного по Асохику. По данным Аристакеса Ластиверцы, в «стычке с эрузами» погибло «30 знатнейших азатов».[1] Грузинские исторические сочинения, освещающие события конца X – начала XI в., сведений о Руси не содержат.

Крупной военной акцией руси (русов) на Кавказе следует считать поход на столицу Кавказской Албании – Бердаа в 943–944 гг., который хорошо известен по сообщениям авторов X в.: Ибн-Мискавейха и Мовсеса Каланкатуаци.[2] Однако она имела место быть почти за полвека до даты указанной в «Хронике абхазских царей». Участие наемников-руссов в междоусобице в Дербенте на стороне эмира Маймуна в 987 г., как и в целом, перипетии политической жизни прикаспийских государственных образований Восточного Закавказья, вряд ли оказалось бы в сфере внимания составителя краткой хроники, интерес которого к Западной части Закавказья очевиден.

Положение дел в западных областях Абхазского царства слабо освещено источниками. Наличие крупных раннесредневековых церковных и монастырских комплексов в этой части государства предполагает существование местных центров летописания, образцы деятельности которых, к сожалению, утрачены. В связи с этим, исследование многих аспектов внешне-и внутриполитической истории Абхазского царства затруднено, а то и невозможно. Свидетельство «Хроники абхазских царей» о военной экспедиции руси уникально, оно не дублируется другими источниками. Вероятно, этот поход относится к числу событий, затронувших западную часть Абхазского царства.

[1] Повествование вардапета Аристакэса Ластиверци / Перевод К. Н. Юзбашяна. М., 1968. С. 56.

[2] Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. – 943/4 г. / пер. А. Якубовского // Византийский временник. 1926. Т. 24 (49). С. 64–69; Мовсес Каланкатуаци. «История страны Алуанк» (в 3-х книгах) / Перевод с древнеармянского Ш. В. Смбатян. Ереван, 1984. С. 169.

На наш взгляд, сообщение хроники следует рассматривать в контексте общеполитической ситуации в Причерноморье на исходе X в. На ход событий в регионе существенным образом влиял длительный период нестабильности в Византийской империи, вызванный поражением в войне с болгарами и мятежами Варды Фоки и Варды Склира. В 987 г. главы инсургентов договорились об общих действиях против Василия II, однако Фока обманул доверившегося ему Склира, пленил его, подчинил себе всю Малую Азию, захватил Антиохию и провозгласил себя императором. Василий II вынужден был обратиться за поддержкой к киевскому князю. Помощь, оказанная Владимиром, стала для императора спасительной. Летом 988 г. часть войска Варды Фоки была разгромлена в битве при Хрисополе. Сражение 16 апреля 989 г. при Авидосе, во время которого умер Варда Фока, оказалось решающим. Войска мятежного военачальника были разбиты. Новое восстание Варды Склира окончилось мирным соглашением и подчинением узурпатора. По свидетельству большинства византийских (Михаил Пселл, Иоанн Скилица, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара) и арабских (Яхья Антиохийский, ал-Макин) источников, решающую роль в победе императора над мятежниками сыграли военные отряды руси. «Василий II, положение которого упрочилось, отказался выполнить условия, на которых ему была предоставлена вооруженная помощь. Наиболее важным из этих условий являлась выдача замуж за Владимира после его крещения порфирородной царевны Анны, сестры императора».[1] Желая принудить василевса к исполнению

[1] Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX–X вв // Византийский временник. 1958. Т. 14 (39). С. 108.

взятых на себя обязательств, Владимир, весной-летом 989 г., предпринял поход на Херсонес (Корсунь), важный византийский политический центр в Таврике. Началом военных действий со стороны киевского князя обеспокоились в Константинополе. Известие о событиях в Херсонесе могло вызвать волнения среди русского вспомогательного корпуса, остававшегося на службе императора.[1] Захват Херсонеса позволил Владимиру добиться решения сразу нескольких задач. Д. Л. Талис отмечал: «Византийская царевна была незамедлительно доставлена из Константинополя в Херсон, а «Корсунь разорен бысть от Руси», и позиции Византии в Северном Причерноморье значительно ослаблены… Женившись на Анне, Владимир оставил Корсунь, который опять попал в сферу политического влияния Византии. Однако город, в значительной степени разрушенный и обезлюдевший, еще долго (по меньшей мере, 70 лет) не мог играть той роли в политических планах Византии в Северном Причерноморье, какая принадлежала ему раньше».[2] Таким образом, в рассматриваемый период Русь стремилась закрепиться на северных берегах Черного моря и овладеть ключевыми позициями в районе Керченского пролива, который являлся важнейшим звеном торгового пути на Восток.

С победой Владимира упрочилось положение русского форпоста в Причерноморье – Тмутаракани, сильно возросло ее экономическое и политическое значение. В 988 г. Владимир Святославич отправляет своего сына Мстислава на княжение в Тмутаракань. Годы княжения Мстислава Владимировича – время становления и укрепления Тмутараканского княжества. В это время расширяются его пределы,

[1] Левченко М. В. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире // Византийский временник. 1953. Т. VII (32). С. 209.

[2] Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX-X вв // Византийский временник. 1958. Т. 14 (39). С. 114–115.

растет территориальная экспансия на Северный Кавказ, греческий Крым и Русь. По мнению некоторых исследователей, в 1016 г. именно Мстислав оказал помощь византийцам в подавлении мятежа стратега Георгия Цуло на Боспоре (известно, что в подавлении восстания участвовала русь).[1] Согласно «Повести временных лет», в 1022 г. Мстислав совершил поход на касогов,[2] их земли были включены в состав Тмутараканского княжества.

Анализ источников показывает, что в конце X – начале XI в., Русь проявляла значительную политическую активность в Причерноморье, принимала участие в военных мероприятиях в составе византийских войск, организовала ряд самостоятельных успешных внешнеполитических акций.

О военно-политическом могуществе руси свидетельствует факт заключения брака между князем Владимиром и сестрой императора Василия II, Анной, причем рука византийской царевны была обещана киевскому князю до его крещения. Как известно, подобного рода брачные союзы противоречили политическим традициям империи. Достаточно вспомнить пассаж из сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», который считал невозможными такие брачные сделки, он писал: «Никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устроением…».[3]

[1] Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2001. С. 596–597.; Майко В. Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей. Ruthenica. Альманах середньовічної історії та археології Східної Европи. Том IX. Київ, 2010. С. 43.

[2] Повесть временных лет / Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 161.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 59.

Успехи Руси в Северном Причерноморье не могли не привести к соприкосновению с Абхазским царством. Упоминание «Хроники абхазских царей» о руссах следует рассматривать как результат непосредственного контакта Руси с населением Абхазского царства. Вряд ли какие-либо военные акции против Абхазии с участием руси были инспирированы имперскими властями. В указанное хронистом время (991 г.), как и в последующие три года, Василий II был занят войной с болгарами, кстати, в военных действиях на стороне византийцев принимал участие воинский контингент руси. Следует согласиться с Ф. Д. Жордания в том, что речь должна идти о самостоятельных действиях руси в Восточном Причерноморье, надо полагать морской набег на побережье Абхазии. Трудно сказать, кто стоял за его организацией. Была ли это военная акция вольницы, либо поход был спланирован в Киеве или Тмутаракани.

Отметим, что принявший в 988 г. крещение, киевский князь захотел украсить свою столицу христианскими святынями, древними символами веры. После взятия князем Владимиром Херсонеса, из города были вывезены многие предметы церковного обихода. «Повесть временных лет» сообщает, что Владимир взял «…Анастаса, и попов корсунских с мощами святого Климента и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе… Захватил он, уходя, и двух медных идолов и четырех медных коней, что и ныне стоят за церковью святой Богородицы и про которые несведущие думают, что они мраморные».[1] С. А. Беляев пишет: «…так как разногласий в источниках по этому поводу нет, то вывоз определенного количества вещей из Херсонеса, в основном предметов церковного обихода, может быть признан за исторический факт. Масштаб этого

[1] Повесть временных лет / Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 138–139.

«разорения» определить практически невозможно. Недавние раскопки в Киеве, например, выявили капитель из проконесского мрамора такого типа, каких много в Херсонесе. Можно с большой долей вероятности предположить, что она была среди вещей, вывезенных князем Владимиром из Херсонеса, и использовалась при строительстве Десятинной церкви».[1] Западные области Абхазского царства были покрыты густой сетью храмов и монастырей. Крупные христианские центры, как правило, аккумулировали значительные материальные ценности, что делало их первоочередным объектом нападения во время грабительских набегов. Поход в Абхазию, страну, известную своими древними христианскими традициями, помимо прочего, мог иметь целью овладение христианскими реликвиями, которыми она была богата.

С нашей точки зрения, «Хроника абхазских царей» сохранила чрезвычайно важную информацию, актуальную, как в рамках изучения истории Абхазского царства в период раннего средневековья, так и с точки зрения анализа внешнеполитической деятельности Руси на исходе X в.

[1] Беляев С. А. Поход князя Владимира на Корсунь: (Его последствия для Херсонеса) // Византийский временник. 1990. Т. 51 (76). С. 155–156.

Антропонимикон царей абхазов. Имя и власть

Вопросы средневековой абхазской антропонимии на протяжении многих десятилетий привлекали внимание лингвистов, историков и этнологов. Существенный вклад в изучение абхазской антропонимической лексики средневекового периода внесли Д. И. Гулиа, Ш. Д. Инал-ипа, Г. А. Амичба, В. Е. Кварчия, Г. В. Цулая. В последнее время в исследованиях по исторической антропонимике делается акцент на понимании имени как информационной системы. Л. М. Городилова отмечает: «Не вызывает сомнения положение о том, что антропонимы в большей мере, чем другие разряды имен собственных, несут в себе повышенную социальную функцию идентификации личности. Личные имена, прозвища, фамилии людей, являясь частью лексической системы языка, вместе с тем, помимо лексического компонента, в свое понятийное содержание включают этнографическую, историческую, социальную, культурологическую информацию и очень быстро реагируют на любые изменения, происходящие в обществе».[1]

В условиях малочисленности источников, антропонимы, зачастую, являются единственной информацией, которая дошла до нас от целых отрезков средневековой истории Абхазии. Большая часть известных нам имен принадлежит представителям политической элиты. Особый интерес для

[1] Городилова Л. М. Историческая антропонимика XX–XXI вв.: Направления и проблемы исследования // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2012. – Спецвыпуск А. С. 80.

нас имеют династические имена, имена, которыми нарекались носители верховной власти. Выявление социокультурных коннотаций, политических и идеологических символов, заложенных в династических именах, представляется весьма актуальным, способным обогатить наши представления о раннесредневековой истории Абхазии.

Важнейшим источником для исследования антропонимического фонда правителей Абхазии является памятник генеалогии начала XI в., известный как «Диван абхазских царей». В XVII в. патриарх Досифей приводит текст указанного документа в своей «Истории иерусалимских патриархов». В научный оборот памятник генеалогии был введен академиком Е. С. Такайшвили. Г. А. Амичба допускал возможность наличия наряду с грузинским «и не дошедшего до нас греческого текста рассматриваемого сочинения».[1] Он, в частности, отмечал: «патриарх Досифей в своем труде «История иерусалимских патриархов» некоторые абхазские личноцарские имена приводит не так, как они зафиксированы в грузинском тексте памятника, а в иной форме. Например, в названном сочинении священнослужителя цари грузинского текста Иствине, Финиктиос и Барнук именованы как Юстиниан, Филиктос и Копорук соответственно. Возможно, последние так и были зафиксированы в тексте предполагаемого греческого варианта «Хроники».[2] Надо полагать, что источники, на которые опирались создатели «Дивана», были написаны по-гречески. Само составление подобного рода документа было возможным только при наличии в раннесредневековой Абхазии устойчивой традиции летописания. Ее формирование на основе греческого языка было предопределено длительными политическими и культурными контактами Западного Закавказья с Византией.

[1] Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010. С. 10.

[2] Там же. С. 10–11.

Первых десять особ, значащихся в «Диване абхазских царей», принято считать архонтами Абасгии. Список начинается с Аноса, скорее всего, именно он возглавил Абасгию после событий 550 г. и был первым ее правителем – христианином, также он мог удостоиться византийского титула. Трое из первых пяти правителей Абасгии носили греческие имена: Анос, Филиктос, Юстиниан, один – вероятно, персидское – Гозар. Имя пятого правителя Копоруки (Барнук) исследователи считают абхазо-адыгским.[1] Если верить сведениям «Дивана абхазских царей», власть «первенствующих князей» Абасгии с самого начала стала передаваться по наследству. В то же время, анализ начальной части списка показывает отсутствие антропонимической преемственности, характерной для наследственной передачи власти. Отметим, что первые пять имен «Дивана» не закрепились в антропонимическом фонде правителей Абхазского княжества, а затем царства. Начиная с шестого правителя, Дмитрия, закладывается основа будущего династического антропонимикона Аносидов–Леонидов. Имена, появившиеся в именослове в последующие десятилетия, будут воспроизводиться из поколения в поколение в течение нескольких столетий. Следует констатировать, что с этого же времени именослов состоял исключительно из христианских имен.

К числу излюбленных имен Аносидов следует отнести те, которые неоднократно фигурируют в списке имен византийских императоров: Юстиниан, Константин, Феодосий, Лев. В антропонимический фонд абхазских правителей вошли и имена святых воинов: Дмитрий, Феодор, а позже Георгий. Безусловно, именослов отражал существенные идеологические ориентиры и политические задачи – иными словами, нес в себе значительное идейное

[1] Там же. С. 95; Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 54.

содержание. Имя могущественного императора неизбежно попадало в число имен престижных, подобающих правителю, способных сообщить его носителю определенный набор качеств, необходимых для успешной политической деятельности. Выбор имени также мог быть обусловлен желанием обеспечить представителю династии покровительство того или иного святого. Круг небесных покровителей Аносидов – Леонидов недвусмысленно указывает на важность военной составляющей в жизни раннесредневекового общества.

Введение антропонимической системы шло вслед за организацией наследственной передачи власти. Последовательное воспроизведение имен являлось отражением идеи преемственности. Наречение именем, унаследованным от того или иного царственного предка и дающим право на престол, всякий раз свидетельствовало о непрерывности самой династической традиции и обеспечивало единство рода. Раннесредневековое правосознание довольно быстро установило фундаментальную связь между именем и способностью к царствованию.

Набор династических имен правителей абхазов обнаруживает известную устойчивость и консервативность. С образованием Абхазского царства он не претерпел существенных изменений. В круг излюбленных и неоднократно воспроизводившихся имен входили имена: Феодосий, Константин, Дмитрий. Из имен, пополнивших антропонимикон царей абхазов, следует выделить имя Баграт. Его носили младшие сыновья царей абхазов из династии Леонидов: Дмитрия II (фигурирует в «Диване абхазских царей»; воцарился в 80-х гг. IX в.), Константина III и Георгия II, а также упоминаемый в «Житие Григория Хандзтийского» Баграт Шаройский (возможно отпрыск Леона II). По мнению ряда авторов, имя Баграт состоит из двух древнеиранских (мидийских) слов: бага «бог» и дата «почитание», «милость»,

«дар».[1] Иногда имя Баграт соотносилось с греческим – Панкратий.[2] Пополнение именослова царей абхазов могло быть связано с междинастическими браками. Обратим внимание на тот факт, что при Леонидах имя Баграт носили младшие сыновья монархов, династические перспективы которых были несколько скромнее, чем у их старших братьев. С приходом к власти в Абхазском царстве Багратидов престижность имени Баграт повышается. Само название династии происходило от имени Баграт, его носил и первый Абхазский Багратид. В начале XI в. имя Баграт получил старший сын царя абхазов Георгия III. В дальнейшем, однако, происходит выпадение этого имени из антропонимикона царей абхазов.

В «Диване абхазских царей» отсутствуют имена двух правителей Абхазского царства – Иоанна и Адарнасе. По сообщению «Летописи Картлии», Иоанн пришел к власти в результате заговора. Законный наследник престола – старший сын царя Дмитрия II был убит, младшему удалось бежать в Византию. Вахушти считал Иоанна сыном царя Георгия I: «После же царя Георгия царем стал его сын Иоанн».[3] Скудность источников не позволяет судить, насколько это утверждение соответствует действительности. До воцарения Иоанн являлся владетелем местности Шавли. Г. А. Амичба отмечал: «Шавлиани – индивидуальный, персональный, но не наследственный титул Иоанна. Он, став обладателем местности Шавли, был прозван «Иоанн Шавлиани», после же воцарения он уже не титулован по прозвищу Шавлиани.

[1] Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010. С. 82.

[2] Виноградов А. Ю. Стратегия имянаречения у Багратидов (до XIII в.) ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΣ // Сб. научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010) / Под редакцией Т. Н. Джаксона и А. В. Акопяна. М., 2014. С. 132.

[3] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Перевод Н. Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976. С. 143.

Адарнас, сын Иоанна, вообще не носил прозвище Шавлиани, ибо лично он не являлся обладателем Шавли».[1] Оттопонимическое прозвище носил и младший сын царя абхазов Леона II Георгий I Агцепский. Этот факт зафиксирован «Диваном абхазских царей». «Летопись Картлии» умалчивает о каких-либо волнениях и недовольствах, которые могли бы сопровождать приход к власти Иоанна I, если бы он не принадлежал к дому Леонидов. Немаловажно и то, что Иоанну удалось без помех передать престол своему сыну Адарнасе, правление которого было прервано возвращением из Византии Баграта, младшего сына Дмитрия II.[2] Г. А. Амичба полагал, что «Иоанн и Адарнас являлись (если не прямыми потомками Георгия I) представителями той же абхазской династии Леонидов, одной из ее боковых ветвей».[3] Вместе с тем, следует заметить, что имена Иоанн и Адарнас не входили в набор династических имен царей абхазов. Не известен ни один носитель имени Адарнас (Атр-Нерсех) среди абхазской политической элиты раннесредневекового периода. В то же время, имя Иоанн было популярно в среде абхазской знати, известны знатные вельможи: Иоанн Аршисдзе, Иоанн Марушисдзе, Иоанн Абазасдзе. Ношение представителями Леонидов имен Иоанн и Адарнасе может свидетельствовать о существовании узколокальной, семейной традиции имянаречения, сформировавшейся по мере разрастания рода (династии), разделения отдельных его ветвей. Имена Иоанн и Адарнас более не воспроизводились ни Леонидами, ни Абхазскими Багратидами, тем самым их носители, по-видимому, были исключены из истории царства абхазов.

[1] Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010. С 44.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 51.

[3] Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010. С. 46.

Причиной тому могла быть не только узурпация власти, но и участие Иоанна в убийстве наследника престола. Показательно, что Баграт, вернув себе отцовский трон, умерщвил Адарнасе, а не использовал какой-либо иной вид наказания (заточение, ослепление), учитывавший бы принадлежность последнего к правящей династии. Вероятно, тяжесть преступных деяний Иоанна была такова, что позволила поставить его отпрыска вне закона.

В письменных источниках цари абхазов упоминаются исключительно под своими крестильными именами. Без сомнения, именно христианское, тронное имя абхазских правителей принимало на себя функции династического. Вместе с тем, не исключено, что представители дома Аносидов–Леонидов могли получать два имени, наряду с крестильным, христианским и исконное – абхазское. Некоторые данные свидетельствуют в пользу существования двуимённости. Так, наследник престола, сын царя Дмитрия II, известен под именем Тинен (Тинин). Если это не пример гипокористики, возможно уменьшительное от имени Константин, популярного имени из антропонимикона царей абхазов, то Тинен искаженное абхазское имя, по мнению Ш. Д. Инал-ипа, Туана.[1]

Помимо личных имен некоторые представители династии Леонидов носили дополнительные, добавочные имена. К имени царя абхазов Баграта I летописец присоединяет прозвище «Эксорированный», т. е. изгнанник (от греческого «η εξορία» – изгнанный, принудительно высланный).[2] «Прозвищное имя царя Феодосия III, сына Георгия II, в «Диване» дается грузинским описательным словом «твалдамцвари» – «выжженные глаза», а в «Летописи Картли» – другим грузинским словом – «мцухаре», т. е. «темный», «печальный».[1] Одного из сыновей Георгия II анонимный автор «Летописи Картлии» именует царем Чалой.[2] Г. В. Цулая пишет, что прозвище абхазского царевича (возможно Баграта) следует понимать как «слабый», «тщедушный».[3] Такого же мнения придерживается и Г. А. Амичба.[4]

С приходом к власти династии Багратидов именослов царей абхазов не претерпел изменений. Есть все основания говорить о преемственности «антропонимического кода». Свидетельством того, что Абхазские Багратиды всячески стремились продемонстрировать связь с предыдущей династией, является факт усвоения первыми их представителями антропонимикона дома Леонидов. Имянаречение отпрысков правящей династии было подчинено определенным законам. При выборе имени для новорожденного отдавалось предпочтение имени того царственного предшественника, продолжателем политической деятельности, которого надеялись видеть будущего монарха. «Поэтому неудивительно, что своему сыну Баграт (Баграт II – Авт.) дает имя Георгий, в честь своего деда по матери – могущественного абхазского царя Георгия II. Этот шаг, несомненно, символичен: Баграт отказывается от типичных багратидских имен в пользу имени, традиционного для абхазских царей, так как и сам он титуловался «царем абхазов». Его сын Георгий частично продолжает такую стратегию: если старшего сына он нарекает в честь деда Багратом, то млад-

[1] Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 53.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С 50.

[1] Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010. С. 112.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 56.

[3] Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии (Домонгольский период). М., 1995. С. 99.

[4] Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010. С. 297–300.

шему дает еще одно имя из ономастикона абхазских царей – Димитрий…».[1] В дальнейшем имена из антропонимикона Леонидов – Георгий и Дмитрий – прочно входят в набор излюбленных имен Абхазских Багратидов. Выбор имен, демонстрирующих связь Багратидов с предшествующей династией, репрезентировал общую парадигму исторической и родовой преемственности царей абхазов.

Сведения об именах представительниц дома Леонидов весьма скудны. Популярным было имя Гурандухт, перешедшее в антропонимикон Абхазских Багратидов. Самой известной носительницей этого имени была дочь царя абхазов Георгия II, мать первого царя абхазов из династии Багратидов – Баграта II. Имя Гурандухт персидского происхождения. Весьма проблематичной представляется этимологизация имени абхазской царевны, жены правителя Тао-Кларджетии Адарнасе Куропалата. Возможно, имя искажено при письменной фиксации. Приняв постриг, она стала именоваться Анастасией. Известны имена дочерей царя абхазов Георгия III – Ката, Марфа (Марта), Гурандухт, дочь Баграта III, византийскую императрицу, также звали Марфа (Марта). Так как Абхазские Багратиды активно перенимали имена из антропонимического фонда Леонидов, можно предположить, что наряду с именем Гурандухт, в него перешло и имя Марфа (Марта).

Рассмотрение антропонимикона царей абхазов позволяет сделать вывод о том, что в Абхазском царстве действовали те же принципы имянаречения, что и во многих раннесредневековых монархиях. Чтобы стать полноправным членом рода (династии) и со временем унаследовать власть, царский отпрыск должен был получить родовое,

[1] Виноградов А. Ю. Стратегия имянаречения у Багратидов (до XIII в.). ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΣ // Сб. научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010) / Под редакцией Т. Н. Джаксона и А. В. Акопяна. М., 2014. С. 146.

династическое имя. При этом нарекаемому давалось имя прямого умершего предка, как правило, по мужской линии (прадеда, реже деда). Судя по всему, существовал запрет на наречение сына именем отца. Несмотря на известную устойчивость, время от времени, происходило выпадение из именослова так называемых «несчастливых имен», то есть имен тех членов династии, чья политическая судьба была неудачной. Имена основателей абхазских династий Анос, Леон, Баграт не отличились популярностью. Наречение в середине X в. одного из сыновей Георгия II именем Леон явное свидетельство актуализации древней династической истории.

Изучение антропонимической системы на примере абхазских царских династии показывает, что институциональное лидерство монархов утверждалось, в том числе, через имя собственное. Имя и власть находились в тесной взаимосвязи. Выбор имени, тем самым, был важной частью династической стратегии, он подчинялся целой системе правил, тесно связанной с идеей наследования власти.

Исторический портрет. Царевна Гурандухт

«Всплеск интереса к «женщине в истории», наблюдающийся в современной медиевистике, отчасти обусловлен все большей популярностью социально-культурной истории, исторической антропологии, «истории ментальностей», которые открывают новые горизонты видения и понимания человеческой личности».[1]

Средневековые авторы мало уделяли внимание современницам. Женщины удостаивались упоминания в источниках, как правило, в связи с важными политическими событиями. Естественно, речь могла идти только о женщинах самого высокого социального статуса.

В источниках по истории раннесредневековой Абхазии информации о женщинах немного, она касается исключительно представительниц правящей династии Абхазского царства. Несмотря на отрывочность сведений, есть основания полагать, что женщины играли существенную роль в политической истории страны. Так, анонимный автор «Летописи Картлии» считает неназванную по имени вдову царя абхазов Георгия I главным действующим лицом заговора, имевшего целью устранение законных наследников трона, сыновей царя Дмитрия II, Тинена и Баграта, и возведение на престол в Абхазском царстве Иоанна Шавлийского.[2] Как

[1] Болдырева И. И. Женщина в англосаксонском обществе и его письменной культуре конца IX – середины XI в. Автореферат диссертации (на правах рукописи). Саратов, 2009. С. 13.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 50.

известно, заговорщики достигли своей цели. Только через двадцать лет после описанных событий Баграту удалось восстановить справедливость, возглавив Абхазское царство.

Другой яркий пример активного участия женщины в политической истории Абхазского царства – деятельность матери первого представителя династии Абхазских Багратидов – Гурандухт.

Гурандухт являлась дочерью царя абхазов Георгия II и сестрой трех абхазских монархов: Леона III, Дмитрия III и Феодосия III. Как и в случае с другими абхазскими царевнами, брак Гурандухт был устроен в соответствии с брачной стратегией правителей Абхазского царства. Леониды в течение длительного времени были связаны тесными династическими узами с домом Тао-Кларджетских Багратидов. В IX в. четыре абхазских царя (Феодосий II, Адарнасе I, Баграт I и Константин III) были женаты на представительницах династии Багратионов Тао. Супруга правителя Тао-Кларджетии Адарнасе I, судя по всему, принадлежала к династии Леонидов. В первой половине X в. младший брат царя абхазов Георгия II Баграт женился на дочери Гургена Великого, а сестра была выдана замуж за представителя артануджийской ветви дома Тао-Кларджетских Багратидов – патрикия Ашота Кискасиса. Гурандухт же стала женой Гургена, который принадлежал к таойской ветви Багратидов.

Тао-Кларджетия не была строго централизованным государством. «С конца IX в. совершенно четко сформировались два княжества – Тао с центром в Бана (Олтиси?) и Кларджети с центром в Артануджи. Старшинство принадлежало ветви Тао. …высший византийский придворный титул «куропалата» закрепляется за домом Тао и там же утверждается титул «царя картвелов».[1] Абхазские монархи поощряли соперничество представителей отдельных ветвей дома тао-клар-

[1] Очерки истории Грузии. Т.II. Тбилиси, 1988. С. 313.

джетских Багратидов, всячески способствуя их ослаблению. Между 923 и 937 гг. царю абхазов Георгию II удалось присоединить к своему государству некоторые области, принадлежавшие ранее тао-кларджетским Багратидам. Его династическая политика, в рамках которой брачная стратегия имела большое значение, была направлена на расширение влияния Абхазского царства в этом важном для него регионе. В X в. под власть абхазского царя перешла Джавахетия, он получил возможность контролировать транспортные коммуникации. «Владея Джавахети, абхазский царь легко мог оказаться в любом краю Южной и Восточной Грузии. Он владел главными дорогами с юга (Армения) и юго-запада (Византия). Через Джавахети проходили все дороги в Абхазию (через Самцхе), в Шида – Картли (через Самцхе, Триалети), во Мцхета и Тбилиси (через Триалети и Манглиси) и в Кахети».[1]

Во второй половине X в. северо-восточной частью Тао, землями, которые примыкали к территории Абхазского царства, в том числе и областью Самцхе, владел «царь картвелов» Баграт Регуени. Именно его наследник Гурген и стал супругом царевны Гурандухт. В интересах дома Леонидов было налаживание союзнических отношений с династом, чей домен имел стратегическое значение. В свою очередь, брак с абхазской царевной был выгоден владельцам северо-восточного Тао, поскольку обеспечивал защиту от возможных притязаний со стороны амбициозного правителя южной части Тао, магистра Давида.

Отпрыском абхазской царевны и наследника северо-восточной части Тао был Баграт, появившийся на свет в начале 60-х гг. X в. (точная дата рождения источникам неизвестна). Ему предстояло сыграть значительную роль в последующих событиях, и во многом она была предопределена родственными связями Баграта с домом Леонидов.

[1] Бердзенишвили Н. А. Цит. по: Очерки истории Грузии. Т. 2. Тбилиси, С. 362.

Во второй половине X в. Абхазское царство постиг династический кризис, причиной которого стало отсутствие наследников мужского пола у трех абхазских монархов: Леона III, Дмитрия III и Феодосия III. «Летопись Картлии» сообщает: «Когда же преставился царь Деметрэ, все жители страны, видя, что не осталось у царя преемника в Абхазии и Картли, вывели Феодосия и утвердили его царем».[1] Нахождение у власти правителя с серьезным физическим недостатком, существенно затруднявшим осуществление им управленческих функций, должно было восприниматься как крайне нежелательное. Чаще всего, любые формы калечества существенно снижали, а то и лишали возможности отпрысков царского рода занять трон. Факт воцарения Феодосия скорее можно объяснить тем, что политическая элита Абхазского царства четко осознавала, насколько опасен для государства вакуум власти. То, что новый абхазский монарх являлся слабой политической фигурой, не был способен лично руководить масштабными военными мероприятиями, создавало значительные трудности, чем не преминули воспользоваться соперники Абхазского царства. Кахетинцы и таойцы вознамерились отторгнуть от Абхазского царства Картлию. Первыми ударили кахетинцы, взявшие на приступ столицу Картлии – Уплисцихе. В отличие от кахетинцев, правитель Тао Давид попытался придать своим действиям в Картлии легитимный характер. Началу военной акции таойцев в Картлии предшествовало обращение наместника абхазского царя Иоанна Марушисдзе к правителю Тао, магистру Давиду. Он «предложил выступить с войском своим и взять Картлию: или завладеть ею самому, или пожаловать её Баграту, сыну Гургена, сыну дочери Георгия – царя абхазов…».[2] «Пришел Давид Куропалат и

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 56.

[2] Там же. С. 57.

прибыл в Квахврели, явился к нему Иванэ Марушисдзе, принял от него Давид Уплисцихе и пожаловал его Баграту и отцу его Гургену».[1] Затем, созвав картлийских азнауров, Давид заявил, что Баграт «есть преемник Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, я же его попечитель и пособник; повинуйтесь ему все».[2] Таким образом, согласно данным анонимного повествователя, Баграт утверждается в Картлии в качестве наместника правителя Тао. Вместе с тем подчеркиваются права Баграта на эту территорию в силу родства с абхазским царствующим домом. В планах магистра Давида в отношении Картлии для Гурандухт не было отведено особой роли. Известно, что абхазская царевна и ее супруг прибыли в Картлию вместе с Багратом, однако соправителем последнего Давид назначил Гургена. Несмотря на строгие внушения магистра Давида, картлийская знать не желала находиться под властью Багратидов и, проявив, по словам летописца, «злобное вероломство», сговорилась с кахетинцами против Баграта. Уплисцихе был сдан, а Баграт с родителями уведен в плен в Кахетию. В ситуацию вмешался магистр Давид, который пригрозил Кахетии войной, пленники были освобождены, но крепости Цирквали и Груи кахетинцы оставили за собой. После описанных событий правительницей Картлии становится Гурандухт. Летописец не поясняет, при каких обстоятельствах это произошло. Скорее всего, приход к власти Гурандухт явился результатом некоего компромисса по вопросу Картлии. Ни кахетинцы, ни таойцы не располагали достаточными силами для того, чтобы надежно закрепиться в Картлии, и в этих условиях важна была позиция представителей собственно картлийской знати. Своими предыдущими действиями она наглядно продемонстрировала, что не хочет подчиняться

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 57.

[2] Там же.

Багратидам. К концу X в. Картлия, с небольшими перерывами, почти 150 лет находилась под властью абхазских монархов. Учитывая огромное стратегическое значение Картлии, воеводами этой области обычно становились царские сыновья. Наместниками абхазского царя в Картлии являлись царевичи Тинен (чихский эристав), младший сын Константина III Баграт, сыновья Георгия II Константин и Леон. Слова летописца о том, что после смерти царя Дмитрия III «у него не осталось преемника в Абхазии и Картлии»,[1] свидетельствуют о том, что правителями последней, чаще всего, являлись наследники престола, иногда в статусе соправителя. Политические традиции были на стороне Леонидов, и этот факт сыграл в пользу Гурандухт. Согласно правосознанию раннесредневековой эпохи, родовая принадлежность являлась необходимым обоснованием легитимности правителя. Судя по всему, Баграту и его отцу пришлось покинуть Картлию и вернуться в Тао. Картлийская знать предпочла видеть своей правительницей представительницу династии Леонидов. Осуществлять власть над Картлией Гурандухт должна была в качестве наместницы абхазского царя или его соправительницы. Сомнительно, что правление Гурандухт в Картлии было санкционировано Феодосием III, а ее статус признавался правящими кругами Абхазского царства. Не исключено, что картлийская знать подумывала и о создании собственной династии, путем устроения брака Гурандухт с представителем одного из местных аристократических кланов. В средневековой истории были нередки случаи, когда дети, рождённые в неравном браке, где муж по своему статусу уступал жене, наследовали статус матери. В таком браке передача благородной крови, вместе с правом на осуществление властных полномочий и территорию, осуществлялись по материнской линии. Картлия, воз-

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 56.

главляемая Гурандухт, по крайней мере формально, оставалась в руках Леонидов.

В течение второй половины 70-х гг. X в. политический кризис в Абхазском царстве был разрешен вступлением в действие матрилатеральной традиции: когда в отсутствие прямых безусловных наследников по мужской линии, трон наследовался мужскими представителями по женской линии, т. е. призывалось потомство от представительниц данного правящего рода, отданных замуж за рубеж. В Абхазию был призван сын Гурандухт, Баграт Багратиони. Однако речь о немедленном воцарении Баграта, судя по всему, не шла. Феодосий III, столь рьяно боровшийся за власть со своим старшим братом, вряд ли добровольно отказался бы от престола. Баграт стал соправителем Феодосия, «Летопись Картлии» сообщает, что только по прошествии «двух лет, он начал править самостоятельно».[1] Смещение Феодосия могло произойти только при наличии поддержки действиям Баграта со стороны правящей элиты Абхазского царства.

Первым значительным военным мероприятием, совершенным царем абхазов Багратом II, был поход на Картлию. По сообщению летописца, возглавляемое Багратом войско расположилось в Тигве, населенном пункте на границе с Картлией. Картлийцы, «не желавшие прихода» Баграта и «пребывавшие в повиновении у Гурандухт», «выставили… главарем Кавтара Тбели, отважились на борьбу».[2] Военное столкновение произошло на подступах к Могриси. Баграт одержал победу. «Вступил (Баграт) в Уплисцихе, отобрал крепость (Уплисцихе) у матери своей, пробыл (здесь немного) дней, несколько поправил дела картлийские, забрал свою мать и ушел в страну Абхазскую».[3] Несколько дополняет и уточняет картину произошедших в Картлии событий эпиграфическая надпись из Атенского Сиони. Надпись выполнена Гержиумом сыном Ephacana на армянском языке. Согласно данным эпиграфического памятника, «устроение картлийских дел» заняло у Баграта не менее года, причем мать абхазского царя состояла в заговоре против своего сына. Судя по тексту надписи, она хронологически совпадает с военной экспедицией Баграта в Картлию. По мнению переводчика и комментатора надписи П. М. Мурадяна, она была высечена в 982–986 гг.[1] Таким образом, Гурандухт управляла Картлией достаточно длительное время.

Несмотря на довольно серьезный конфликт Баграта II с матерью, он не исключил ее из политической жизни. Надо полагать, что на всем протяжении царствования Баграта Гурандухт пользовалась особыми привилегиями. Первый представитель дома Абхазских Багратидов всячески старался подчеркнуть свою связь с предшествующей династией. Для Баграта генеалогическое родство с Леонидами по материнской линии выступало юридическим обоснованием права на осуществление верховной власти в Абхазском царстве. Это обстоятельство обеспечило Гурандухт особую роль в системе монархии, с титулом «госпожи-матери» (dedopal-i).[2] Под этим титулом ее имя рядом с именем вен-

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 56.

[2] Там же. С. 58.

[3] Там же.

[1] Мурадян П. М. Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети). Ереван, 1985. С. 107–108.

[2] В грузинском языке «засвидетельствованы различные варианты-разновидности слова с общим значением «царица». Кроме упомянутого dedopal-i это, например, dedupal-i, deopal-i, didupal-i, diopal-i, dodpal-i, dodopal-i и др. В отличие от более распространенной формы dedopal-i (детерминативный композит, производный от груз. «deda» - мать, женщина плюс груз. «upal-i» - господин, господь) didupal-i осмысливается как композит, возникший путем сложения-слияния didi плюс upal-i, где перый компонент не грузинское «deda» – мать, женщина, но груз. «didi» большой(ая), великий(ая)», т.е. «великая госпожа». См.: Берадзе Г. Г. Легенды о царице Тамар в

ценосного сына фигурирует в надписи на золотой чаше для причастия из Бедийского храма.[1] Упоминается мать царя абхазов Баграта в надписях построенного по его приказу Кутаисского храма. Строительная надпись, вырезанная декоративными буквами на аркатуре поверх окон восточного фасада, гласит: «Помощью божию Баграт царь абхазов и карталин и матерь его Гурандухта, построившие святой храм».[2] По мнению ряда исследователей, рельефное изображение женщины из храма в Кумурдо принадлежит Гурандухт.[3] В памятнике генеалогии, известном как «Диван абхазских царей»», который был составлен при Баграте II, указаны имена его отца Гургена, деда абхазского монарха Георгия II, в дополнении к этому говорится и о том, что Баграт сын дочери царя абхазов (без указания имени).

После воцарения Баграта II его отец и супруг Гурандухт, Гурген Багратиони стал носителем титула «царя царей». Об этом свидетельствуют «Летопись Картли», «История и повествование о Багратионах», а также данные эпиграфики, исключение составляет Асохик, именующий Гургена «царем картвелов».[4] Но скорее всего, Гурген не унаследовал титул

персидском историческом сочинении «Ихйа ал-Мулук». В кн.: Источниковедение и текстология Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 66.

[1] Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. Труды АбНИИЯЛИ. 1959. Вып. 30. С. 256.

[2] Ашхацава С. М. Пути развития абхазской истории. Доклад, читанный на 1-м Всесоюзном Краеведческом Съезде в Абхазии 12 сентября 1924 г. Издание Наркомпроса Абхазии. 1925. С. 24.

[3] Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V–XI веков. М., 1977. С. 94–96.

[4] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 60; Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Тбилиси, 1979. С. 37; Такайшвили Е. Археологическая экспедиция 1917-го года в Южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952. С. 42; Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Перевод Н. Эмина. М., 1864. С. 200–201.

отца, царя картвелов Баграта Регуени. Хорошо осведомленный автор, историк династии Багратидов, Сумбат Давитис-дзе объясняет происхождение высокого звания «царь царей»: «А у этого Гургена был (сын) Баграт, сын сестры царей апхазских Деметре и Тевдоси. Еще до воцарения Гургена сей Баграт стал царем в Апхазии, и поэтому был Гурген назван царем царей».[1] Вероятно титул «царя царей» может быть соотнесен с византийским «василеопатор» (отец императора), титулом, который был введен в империи в конце IX в. Таким образом, родители первого представителя династии Абхазских Багратидов не являлись носителями титулов «царицы и царя картвелов».

Местом погребения Гургена Багратиони, который скончался около 1008 г., скорее всего, является построенная по его приказу рядом с храмом в Ишхани небольшая церковь.[2] Надо полагать, что его супруга не была упокоена рядом с ним. Имя Гурандухт упоминалось и в ряде надписей, сделанных уже после ее смерти, в них она названа усопшей. Дата смерти и место упокоения матери Баграта II неизвестны.

Трудно сказать, была ли у Гурандухт возможность занять абхазский престол, допускал ли действовавший в Абхазском царстве порядок престолонаследия, при определенных условиях, приход к власти женщины. Заметим, что имени Гурандухт никогда не были предпосланы титулы мужского рода, которые прилагались к именам женщин, реально осуществлявших верховную власть в средневековых государствах (βασιλεύς Ειρήνη, Tamar mepe и т.д.). Вместе с тем, в устном народном творчестве абхазов термин «аԥсҳа»

[1] Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Тбилиси, 1979. С. 37.

[2] Такайшвили Е. Археологическая экспедиция 1917-го года в Южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952. С. 42.

(титул верховного правителя) используется применительно и к особам женского пола.[1]

Своим возвышением Гурандухт была во многом обязана обстоятельствам и, вероятно, собственным амбициям. Но даже если ее авторитет не был результатом общей тенденции к пересмотру статуса знатной женщины, он создал важный исторический прецедент. И, видимо, этот прецедент сыграл не последнюю роль, отчасти предопределив изменения, которые произошли впоследствии. Достаточно сказать, что анализ данных «Летописи Картли» о событиях первой половины XI в. позволяет говорить о высокой степени вовлеченности женщин в сферу политической власти в Абхазском царстве. В частности, это касается супруг царя абхазов Георгия III, Мариам и Алды. Даже повествуя о потомстве вышеназванного монарха, аноним перечисляет имена не только его сыновей, но и дочерей, одну из которых звали Гурандухт.[2]

В средневековье вовлеченность женщин в сферу политики была определена хотя бы тем, что союзы между государствами устанавливались посредством династических браков. Для женщины высокого социально статуса уже само вступление в брак являлось актом участия в политической жизни. Вопреки представлениям о маскулинности идеала правителя, а также формальным ограничениям участия женщин в органах публичной власти, в реальности влияние женщин на государственные дела ощущалось на всем протяжении средневековой истории Абхазии.

[1] Инал-ипа Ш. Д. Труды (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа). Сухуми, 1988. С. 320, 325.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 65.

Из истории брачной дипломатии Абхазского царства (первая половина XI в.)

Одним из важнейших направлений внешней политики Абхазского царства являлась брачная дипломатия. Главной целью династических браков было заключение политических союзов: становясь родственниками, монархи могли рассчитывать на взаимную поддержку. И. А. Гагин отмечает: «Практика юридического оформления политических договоров в X–XII вв. повсеместно имела одно и то же содержание. Во многом это связано со спецификой средневековой эпохи, психологией, этносознанием и нравами, господствовавшими в обществе. По нормам обычного права всех без исключения народов начала второго тысячелетия нашей эры, самым существенным при заключении межплеменных и межгосударственных соглашений считался брачный союз представителей элиты договаривающихся сторон. Раннее средневековье изобилует примерами закрепления договора брачным соглашением, которое должно было подтвердить его незыблемость».[1]

Изучение брачных союзов абхазских царей из династии Багратидов имеет важное значение для понимания

[1] Гагин И. А. Русь, Булгария и половецкая степь (О значении брачных союзов при заключении политических договоров в эпоху раннего средневековья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 6. Т. 11. С. 8.

политических процессов в Закавказье на исходе раннего средневековья.

О супруге первого представителя династии Абхазских Багратидов нет данных. Отсутствие информации в источниках, достаточно подробно освещающих деятельность Багата II, может свидетельствовать о том, что жена монарха не принадлежала к какому-либо царствующему дому. Возможно для укрепления своих позиций и перспектив новой династии, в целом, ее первый представитель предпочел сочетаться браком с одной из представительниц могущественных аристократических семейств Абхазии.

Отпрыск Багата II Георгий вступил на престол в 1014 г., в возрасте 18 лет. К этому времени он, скорее всего, уже состоял в браке с Мариам (Мария) Арцруни. Родителями Мариам являлись правитель Васпуракана Сенекерим Арцруни и дочь царя Великой Армении шахиншаха Гагика I Хушуш Багратуни. Васпуракан находился в политической зависимости от Ани. Установление династических связей с правящим домом Абхазского царства был выгоден Арцрунидам, особенно в деле ослабления, а то и вовсе, освобождения от опеки сюзерена – шахиншаха. Приобретая союзника в лице Васпуракана, Абхазское царство надеялось на координацию действий с целью противостояния агрессивным действиям империи в Закавказье. Однако этим планам не дано было осуществиться. Около 1021 г. тесть царя абхазов Сенекерим Арцруни преподнес свои владения империи. Иоанн Скилица сообщает: «Тогда и Синахирим (Сенекерим), архонт Высокой Мидии, которую называют Аспраканией, явился со всей своей фамилией к императору, передал ему всю подвластную себе страну; ему были пожалованы сан патрикия и должность стратига Каппадокии, а взамен уступленной страны он получил города: Севастию, Лариссу, Авару и многие другие владения. Ибо его тревожили соседи агаряне, и, будучи не в состоянии им противостоять, он перешел к им-

ператору, уступив свою страну».[1] Сведения о переселении Сенекерима Арцруни в Византию находим и у ряда армянских авторов.[2] В это же время и шахиншах Иоанн Смбат завещал свои земли империи.

Уступив в двух военных кампаниях 1021 и 1022 гг. византийцам и вынужденный отдать Василию II своего трехлетнего сына в заложники, Георгий III не смирился с поражением. В 1025 г., после возвращения из Константинополя Багата, царь абхазов тотчас же откликнулся на предложение протоспафария Никифора Комнина главы византийской фемы Верхняя Мидия (Васпуракан) (бывшее владения Сенекерима Арцруни) о военном союзе. Никифор Комнин задумал отложиться от воцарившегося после смерти Василия II Константина и совершенно справедливо полагал, что может рассчитывать на поддержку абхазского царя. Реализовать свои намерения Никифор не смог, он был схвачен сторонниками императора и позже по приказу Константина VIII ослеплен.[3] Указанный эпизод свидетельствует о том, что Георгий был намерен продолжить борьбу и остро нуждался в союзниках. Вся предыдущая деятельность царя абхазов позволяет охарактеризовать его не только как отважного воина, лично принимавшего участие в сражениях, но и как искусного дипломата. Имевшее длительную историю военно-политическое сотрудничество с аланами позволяло надеяться на поддержку северного соседа. На взаимодействие с Аланией и сделал ставку Георгий III.

---

[1] Ioannis Scylitzae Synopsis historiarun, res. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973. Цит. по: Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988. С. 151.

[2] Повествование вардапета Аристакэса Ластиверци / Перевод К.Н. Юзбашяна. М., 1968. С.64–65; Смбат Спарапет. Летопись. Ереван, 1974. С. 14.

[3] Повествование вардапета Аристакэса Ластиверци / Перевод К. Н. Юзбашяна. М., 1968. С. 70.

Именно желанием надежно скрепить союз с Аланией можно объяснить повторное вступление в брак царя абхазов. Матримониальный альянс Георгия с аланкой Алдой мог быть заключен между 1025 и 1027 гг., т.е. после возвращения из Константинополя царевича Баграта. Это мнение основывается на данных Сумбата Давитисдзе, который, повествуя о событиях 1025 г., сообщает: «И прибыл Баграт к отцу своему Гиорги и матери царице Мариам в город их Кутатиси…».[1] Для вступления в брак с Алдой царь должен был развестись с Мариам, однако источники хранят молчание по этому поводу. Вместе с тем, анонимный автор «Летописи Картли» и Иоанн Скилица именуют Алду женой царя абхазов.[2] Более того, согласно византийскому автору, передача Анакопийской крепости под юрисдикцию империи в 1033 г. была осуществлена именно по инициативе «жены Георгия авасгов царька».[3] Не приходится сомневаться и в том, что Дмитрий, сын Георгия и Алды, был рожден в законном браке. Так, автор «Летописи Картли», чьи политические симпатии были на стороне Баграта III, не ставит под сомнение статус Дмитрия. Более того, только наличие законных прав на абхазский престол сделало, впоследствии, младшего сына царя Георгия знаменем в руках феодальной оппозиции.

Изменение политической ситуации в Закавказье, передача Васпуракана империи, планы царя абхазов по продол-

[1] Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах / Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 41.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.С.66; Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. Переведенные труды византийских авторов. Анакопия – Новый Афон, 2011. С. 26–27.

[3] Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. Переведенные труды византийских авторов. Анакопия – Новый Афон, 2011. С. 26–27.

жению противодействия византийской угрозе толкали его к прекращению брака с Мариам Арцруни. Какой предлог для этого был избран Георгием неизвестно. Подобные случаи в истории династии Абхазских Багратидов имели место и впоследствии, достаточно упомянуть развод Давида Возобновителя с первой женой, что также является значимым сюжетом в контексте истории династических браков. По прекращении брака, оставленная венценосцем бывшая супруга, как правило, удалялась в монастырь. Но в случае с Мариам этого видимо не произошло. Если же предположить, что первая супруга царя абхазов приняла постриг, то был найден благовидный предлог для ее возвращения в мир после внезапной смерти Георгия III.

В 1027 г. на абхазский престол вступил малолетний сын Георгия III Баграт. На протяжении всего периода правления Баграта III, его мать Мариам была значимой политической фигурой. Царствование нового монарха началось с того, что от него отложились крупные светские и духовные феодалы Тао. В следующем 1028 г. в пределы владений Баграта III вступило большое византийское войско во главе с Николаем доместиком схол и паракимоменом. Разорив несколько областей, византийцы предприняли осаду сильной Клде-Карской крепости. Однако, получив известие о смерти императора Константина VIII, паракимомен поспешил в столицу. Результатом этой военной экспедиции стал переход к византийцам еще нескольких крупных таойских вельмож. Баграт III лишился значительной территории Тао, и лишь немногие представители таойской знати остались верны царю абхазов. Не менее напряженная обстановка, надо полагать, сложилась и в северо-западной части царства. Анакопийская крепость, являясь местом пребывания второй жены и младшего сына покойного царя абхазов Георгия III, была центром притяжения одной из группировок абхазской знати, надеявшейся воцарить Дмитрия, о чем

свидетельствует анонимный автор «Летописи Картли».[1] Потенциально опасная ситуация грозила вылиться в открытый конфликт между сторонниками двух вдовствующих цариц и их отпрысков. Обеспокоенная таким оборотом дел, мать молодого монарха, царица Мариам, в 1031 г. отправилась в Константинополь. Она надеялась путем заключения выгодного брака укрепить позиции своего сына. Успеху дипломатической миссии матери царя абхазов должны были содействовать ее отец и братья, после передачи своих наследственных земель Византии, находившиеся на службе империи. Подробности переговоров царицы с императором Романом III Аргиром неизвестны. По их окончании был заключен договор о мире между Византийской империей и Абхазским царством, Баграту был пожалован титул «куропалата» и выдана в жены племянница императора, дочь его брата Василия Елена. Кстати, в следующем 1032 г. сестра Елены стала супругой Иоанна-Смбата Багратуни, дяди вдовствующей абхазской царицы. Выдавая свою племянницу замуж за Баграта, император рассчитывал на изменение внешнеполитического курса Абхазского царства. В свою очередь, Мариам Арцруни надеялась, что брак ее сына с родственницей императора ослабит позиции сторонников Алды и Дмитрия, а также позволит царю абхазов удержать за собой таойские земли. Не можем согласиться с мнением З. В. Папаскири о том, что вдовствующая царица являлась главой провизантийской партии при абхазском царском дворе еще при жизни супруга, а затем и по воцарении сына.[2] Миссия Мариам в Константинополе скорее вынужденный и хорошо продуманный дипломатический ход, чем

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 66.

[2] Папаскири З. В. От Давида до Давида. Из истории международных отношений Грузии. 70-е годы X – 80-е годы XI вв. Тбилиси, 2001. С. 56-57.

свидетельство симпатий к Византии. Последующие события показывают, что Мариам последовательно отстаивала интересы Абхазского царства, главой которого являлся ее сын. Уже через несколько месяцев после свадьбы царица Елена скончалась, что привело к охлаждению отношений между Абхазским царством и империей. Вскоре после смерти супруги Баграт III вновь сочетался браком. На сей раз в жены царю абхазов была выбрана Борена, дочь «овсского царя».[1] Такая быстрая смена брачной стратегии Баграта, скорее всего, была вызвана тем, что после кончины первой супруги царя абхазов приверженцы его брата Дмитрия Анакопийского решили воспользоваться тем же дипломатическим приемом, которым всего годом ранее успешно воспользовалась вдовствующая царица Мариам – в борьбе за абхазскую корону они попытались заручиться поддержкой империи. Тем более, что вступление Баграта III в брачный союз с аланской царевной свидетельствовал о намерении молодого монарха продолжать курс на сохранение суверенитета Абхазского царства. Царь Баграт III и его приближенные пытались вести переговоры со сторонниками Дмитрия, но успеха не имели. Ощущая шаткость положения Дмитрия, Алда и ее окружение сочли за благо переход Анакопии под власть империи. Автор «Летописи Картли» сообщает, что Дмитрий «ушел из царства своего и обратился к царю Греции и отдал ему Анакопию».[2] По данным византийского автора Иоанна Скилицы, крепость Анакопия была передана византийцам вдовой абхазского царя Георгия III Алдой, после чего ее сын Дмитрий был удостоен титула «магистра».[3]

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 66.

[2] Там же.

[3] Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. Переведенные труды византийских авторов. Анакопия – Новый Афон, 2011. С. 26–27.

Таким образом, Анакопия была утеряна царем абхазов Багратом III и перешла под юрисдикцию империи около 1033 г. Византия переход Дмитрия должна была приветствовать, поскольку он полностью отвечал ее интересам. Н. А. Скабаланович писал: «Византия стала практиковать систему обмена земель, происхождение которой, кажется, современно началу Македонской династии… по крайней мере, при сыне основателя династии путем применения этой системы была образована фема Месопотамия. До XI в. к системе обращались изредка, а в XI в. стали усердно прилагать ее в сношениях»[1] с правителями Закавказья. Подобным образом к империи были приобщены Тарон, Васпуракан, Ширак-Анийское царство, патримоний Давида Куропалата. После перехода Анакопии под власть Византии, Алда продолжала проживать в крепости. Ее имя упоминается в надписи, которая была сделана по окончании неких строительных работ в Анакопийской крепости, датируемых мартом 1046 г.[2] Несмотря на то, что передача Дмитрием Анакопийским своего патримония императору была обставлена как акт добровольный, царь абхазов Баграт III посчитал, что действия византийцев по приобщению удела Дмитрия Анакопийского к империи противоречат договору, заключенному между Византией и Абхазским царством. В 1035 г., под предлогом того, что император Михаил IV Пафлагон причастен к смерти своего предшественника Романа III Аргира, Баграт III разорвал мир с империей и вернул себе ряд крепостей, ранее уступленных ромеям. Весной 1045 г. Баграт III предпринял осаду Анакопийской крепости, но взять ее не смог. Под юрисдикцию царей абхазов крепость была возвращена около 1072/3 гг.

[1] Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2-х книгах. СПб., 2004. С. 216.

[2] Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / А. С. Агумаа, Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов, Е. Ю. Ендольцева, автор предис.О. Х. Бгажба. СПб., 2011. С. 217.

В первой половине XI в., в условиях все более обострявшейся международной обстановки, приоритетной задачей абхазских монархов являлась борьба за сохранение целостности государства. Посредством династических браков цари абхазов не только стремились укреплять позиции Абхазского царства на внешнеполитической арене, но и обеспечивали поддержание авторитета царской власти внутри страны. Первых Абхазских Багратидов отличает политическая мобильность, в том числе, в сфере брачной дипломатии. Изменение расстановки сил на международной арене или активизация центробежных тенденций внутри страны неизбежно вносили коррективы в матримониальные планы монархов.

Другая Гурандухт

«Несмотря на то, что от эпохи раннего средневековья до нас дошло немало имен женщин, в той или иной степени принимавших участие в отправлении политических функций, в целом их гораздо меньше, чем мужчин. Обычно в источниках описываются такие случаи, когда женские стратегии и тактика были настолько заметны в политической сфере, что они просто не могли не быть упомянуты».[1]

Источники по истории Абхазского царства свидетельствуют о высокой политической активности представительниц правящих династий Леонидов и Абхазских Багратидов. Среди женщин, сыгравших значительную роль в истории раннесредневековой Абхазии, следует выделить дочь царя абхазов Георгия III, Гурандухт. Судьба этой абхазской царевны ускользала из поля зрения исследователей, оттененная фигурой ее тезки, матери основателя династии Абхазских Багратидов. Между тем, масштаб личности и политическая деятельность Гурандухт заслуживают пристального внимания и глубокого анализа.

Точная дата рождения Гурандухт неизвестна, она появилась на свет в конце 10-х начале 20-х гг. XI в. Ее родителями были царь абхазов Георгий III и его супруга, дочь Васпураканского царя Мариам Арцруни. Помимо Гурандухт, в этом браке родилось еще трое детей, сын Баграт и дочери: Ката и Марфа (последняя скончалась в младенчестве). От второго брака с дочерью правителя Алании, Алдой у царя Георгия III был сын Дмитрий.

[1] Бикеева Н. Ю. «Век аббатис и королев»: «Власть женщин» в раннее средневековье. Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем // Материалы Третьей международной научной конференции Российской ассоциацией исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 1–3 ноября 2010 года, Череповец Т.1., М., 2010. С. 17.

Первая половина XI в. – непростое время в истории абхазского средневекового государства. Руководствуясь ойкуменистической доктриной, правящие круги Византии взяли курс на аннексию государств Закавказья. Абхазское царство последовательно противодействовало агрессивной политике империи. Правление Георгия III прошло в жестком противостоянии с Византией. После поражения в войне с империей – 1023 г. царь абхазов вынужден был отдать в заложники Василию II своего трехлетнего сына Баграта. Царевич пробыл в Константинополе три года, после чего был отпущен на родину. Георгий планировал возобновить военные действия против империи, но в 1027 г. «в лета почти молодые» скончался. После смерти монарха Абхазское царство вступило в полосу нестабильности, которая была вызвана противоборством двух группировок знати, одна из которых поддерживала Баграта, а другая – его брата Дмитрия. Активную роль в этом противостоянии играли и их матери, Мариам и Алда. По причине малолетства сыновей, обе женщины оказались вовлечены в политические процессы, при этом Мариам проявила незаурядные дипломатические способности. Для достижения внутриполитической стабильности и упрочения положения Баграта, она отправилась на переговоры в Константинополь и сумела заключить договор с империей. Баграт был удостоен титула «куропалата», ему была выдана в жены племянница императора Романа Аргира Елена.[1] Действия Мариам шли вразрез с внешнеполитическим курсом ее покойного супруга, одна-

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 66.

ко способствовали укреплению власти сына и дали ему преимущество в борьбе со сторонниками Дмитрия.

Ранняя смерть отца, перипетии начального периода царствования брата, царя абхазов Баграта III, не могли не оказать влияния на формирование личности Гурандухт. Перед ее глазами был яркий пример вовлеченности женщины в управление государством – царица Мариам. Институт материнского регентства открывал для женщины достаточно широкие возможности. На протяжении всего царствования Баграта III его мать Мариам оставалась одной из самых активных и влиятельных политических фигур.

Отмечено, что именно в периоды нестабильности, угрожающие судьбам династий, роль представительниц правящего дома в политической жизни средневековых государств возрастает. Имя Гурандухт в «Летописи Картли» начинает фигурировать в связи с серьезным политическим кризисом, угрожавшим самому существованию Абхазского царства. Он был вызван многолетним жестким противостоянием царя абхазов с могущественным вельможей Липаритом. В период малолетства Баграта III, клдекарский воевода Липарит приобрел большое влияние. Умелый управленец, отважный военачальник, чей отец погиб, сражаясь в рядах войск Георгия III против византийцев, вступил в конфликт с сюзереном. В 30-х – начале 40-х гг. XI в., заручившись поддержкой имперских властей, заинтересованных в ослаблении Абхазского царства, он дважды предпринимал попытки возвести на трон младшего брата Баграта – Дмитрия. Последний еще в 1033 г. передал свой патримоний, Анакопийский удел, империи. По данным анонимного автора «Летописи Картли», действия Липарита внесли раскол «…в людей царства этого: одних привел к послушанию Дмитрию, другие же остались верны Баграту».[1] После смерти Дмитрия

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 69.

в 1042 г. Липарит продолжил борьбу против центральной власти. В битве при Сасирети царь потерпел поражение от войск мятежного вассала. Он утратил контроль над так называемыми «верхними землями», где укрепились позиции Липарита. В 1048 г. клдекарский воевода отправился на помощь имперским военачальникам Аарону и Катакалону Кекавмену, выступившим против тюрок-сельджуков. В сражении при Капетре Липарит попал в плен. При содействии императора Константина IX Мономаха он был отпущен сельджуками, но за время отсутствия Липарита, Баграт предпринял энергичные меры по возвращению под свой скипетр утраченных территорий, более того, ему покорился Тбилиси. «Летопись Картли» сообщает: «После этого вышел Липарит из турецкого плена и вступил в Ани. Покинул Баграт Тбилиси из-за Липарита, обогнул Картли и явился в Джавахети. Усилился Липарит, ибо пострадал за службу греческому царю; пошел в Грецию, встретился с царем греческим и привлек силы его. И не в силах был Баграт ему противостоять».[1]

Царь абхазов вновь утратил контроль над «верхними землями». Согласно армянскому автору Вардану Великому, Липарит после освобождения из сельджукского плена с помощью византийских войск «схватил царя Багарата (Баграта – Авт.), отправил к императору и сам завладел всею страною».[2] Однако это сообщение не подтверждается грузинскими и византийскими источниками. Так, Иоанн Скилица отмечал, что «… Панкратий, пройдя через реку Фазис, сванов, колхов, пришел в Трапезунт; оттуда послав вестников, сообщил императору, что он хочет идти в Византий и с ним самим говорить».[3] По «Летописи Картли», приняв реше-

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.С. 70.

[2] Вардан Великий. Всеобщая история Вардана Великого / Перевод М. Эмина. М. 1861. С. 125.

[3] Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. Переведенные труды византийских авторов. Анакопия – Новый Афон, 2011. С. 28.

ние отправиться в Константинополь, Баграт оставил своего сына Георгия в «Кутатиси царем Абхазии».[1] Надо полагать, что малолетний Георгий был венчан на царство в качестве соправителя отца.

Неизвестно вынашивали ли византийцы планы по приобщению к империи земель, находившихся под властью Липарита. Несмотря на то, что последний был их союзником, носителем высокого титула «магистра», а по некоторым данным, «куропалата», его могла не устраивать перспектива превращения «верхних земель» в византийскую фему. С другой стороны, клдекарский воевода не имел законных оснований на осуществление верховной власти на той части территории Абхазского царства, которую он контролировал, поскольку не принадлежал к правящей династии, а знать так называемых «верхних земель», скорее всего, уже не мыслила себя вне державы Абхазских Багратидов. Поэтому Липарит вступает в переговоры с ближайшим окружением малолетнего сына и соправителя царя абхазов Баграта. Он предлагает передать власть над «верхними землями» Георгию, с условием проведения коронации в Руиси. Себе Липарит отводил роль воспитателя царя, по сути, регента. Этот план не соответствовал интересам Абхазских Багратидов, поскольку речь шла о попытке легитимации раскола страны. Решение о передаче Георгия на воспитание мятежному воеводе не могло быть принято без согласия царя. Находясь в Константинополе, Баграт испытывал давление со стороны имперских властей, явно благоволивших Липариту. Сознавая, что отказ может грозить военной акцией со стороны могущественного вельможи, возможно и в союзе последнего с византийцами, царь и его сторонники вынуждены были дать согласие. Своеобразным компромиссом стало то, что одновременно с воспитателем Липаритом,

[1] Картлис цховреба (История Грузии) / Пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 157.

опекуном Георгия была назначена сестра его отца, царевна Гурандухт. Рассказывая об этих событиях, автор «Летописи Картли» впервые дает пространную характеристику представительницы правящей династии: «Была (Гуарандухт) исполнена всех благ, прекрасная на вид, умна, щедра, ревностно исполняла богослужение».[1] Аноним идеализирует абхазскую царевну, представляя ее обладательницей всех качеств, желательных для высокородной женщины. Так, в источнике имени Гурандухт предпослан титул «царицы».

Хотя малолетний Георгий был поручен Липариту и Гурандухт, их политические планы разнились. Согласно «Летописи Картли», Липарит прикладывал усилия к тому, чтобы пребывание Баграта III в Византии продлилось как можно дольше. Несмотря на то, что император Константин Мономах покровительствовал Липариту, Гурандухт включилась в дипломатическую борьбу за возвращение Баграта на родину. Анонимный летописец сообщает, что именно стараниями абхазской царевны ее брату удалось вернуться в Абхазию. Подробности переговоров Гурандухт с имперскими властями, к сожалению, не освещены источниками. Но, не располагая обширными связями в Константинополе, контактами в среде придворной знати трудно было найти рычаги воздействия на василевса и его окружение, на равных противостоять Липариту. Известно, что по приезде Баграта в Абхазию в 1056 г. ко двору императрицы Феодоры в качестве заложницы была отправлена его дочь Марта (Марфа). Факты пребывания знатных заложников с Кавказа при византийском дворе хорошо известны, среди них могла быть и Гурандухт. Именно длительным нахождением ее в столице империи, знанием византийского закулисья можно объяснить дипломатический успех абхазской царевны. Заслуги Гурандухт не преминул отметить летописец.

[1] Картлис цховреба (История Грузии) / Пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 157.

Прибытие царя на родину описано автором «Летописи Картли» как масштабное, грандиозное событие: «Все войско вышло встречать его на абхазское побережье (Черного) моря, в Хупати. Была радость большая, возносили Богу благодарность, соблаговолил (царь) и вошел в столицу свою, в Кутатиси».[1]

Однако противостояние Баграта с Липаритом продолжалось. Летописец отмечает: «Непрестанно росли силы Липарита в Верхних землях и возлюбили его в Хорасане султан Доглубег, а в Греции – царь греческий. Растил он Георгия – младшего сына Баграта – именем царским. Баграт же владел землями, расположенными ниже Лихи».[2] Гурандухт оставалась рядом со своим воспитанником Георгием.

И все же возвращение царя абхазов Баграта из Константинополя способствовало изменению ситуации. Среди знати восточной части государства возобладало желание избавиться от власти Липарита. В 1058 г. Сула Калмахский, проявив беспримерную решительность, сумел взять в плен уверенного в непоколебимости своего положения могущественного вельможу. Вместе с Липаритом был пленен и его сын Иванэ, другому сыну Ниании удалось бежать. Сула, срочно отправив вестников в Кутаиси, сообщил царю о захвате его противника и просил срочно прибыть в Джавахетию. В это время сын Баграта Георгий вместе с опекавшей его царевной Гурандухт находился в Гртила, «и как только узнали о пленении (Липарита – Авт.), засели в Ахалкалаки и дожидались Баграта в Султа»,[3] сообщает летописец. Противник царя абхазов был повержен. Потерпев поражение, Липарит принял постриг и удалился в Византию, где скончался в 1060 г. Его сына Ивана царь помиловал. Политический кризис в Абхазском царстве завершился победой царя, попытка учреждения короны «царя картвелов» провалилась.

[1] Картлис цховреба (История Грузии) / Пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 157.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С.71.

[3] Картлис цховреба (История Грузии) / Пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 157.

В последующие годы Гурандухт не утратила своего влияния и наряду с матерью, царицей Мариам, входила в ближайшее окружение царя Баграта. Повествуя о стремительном рейде сельджуков во главе с Алп-Арсланом в Триалетию, летописец отмечал: «А в это время царь с матерью, сестрой и сыном шел из Тао, и стояли они в Хекребулта. И в то время, когда отправлялись, напало на них войско султана, прибыли и заняли хребет. Но они успели спуститься в Картли».[1] В неназванной по имени сестре Баграта надо полагать Гурандухт, тем более упоминание о сестре царя предпослано имени Георгия, ее воспитанника.

Царствование Баграта замечательно тем, что выдвинуло на политическую сцену сразу несколько женщин. Говоря о ближнем круге царя, летописец неоднократно упоминает мать, сестру, супругу и дочерей. Они принимали участие в политических событиях, сопровождали его в поездках по стране, влияли на принятие управленческих решений. Мать Баграта царица Мариам разделила с ним тяготы трехлетнего нахождения в Константинополе, его супруга Борена в это время несла бремя государственного служения в Кутаиси, на сестру, царевну Гурандухт, были возложены обязанности опекуна наследника и медиатора.

Гурандухт ушла из жизни раньше своего царственного брата. Летописец передает предсмертные слова Баграта, обращенные к матери: «Мать, жалко мне тебя за то, что все рожденные тобой ушли раньше тебя…».[2] Известно, что царь абхазов скончался в ноябре 1072 г.

[1] Картлис цховреба (История Грузии) / Пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 158.

[2] Там же. С. 162.

Вообще, в системе абхазской монархии был высок статус царских дочерей, этот вывод подтверждает и следующее сообщение «Летописи Картли».

Сельджукский султан Алп-Арслан желая породниться с царем абхазов Багратом, был согласен взять в жены дочь его сестры. Речь должна идти о дочери абхазской царевны Каты, которая была замужем за правителем Ташир-Дзарогета Кюрикэ II,[1] по другим данным, за братом Кюрикэ Смбатом.[2] Показательно, что Алп-Арслан просил руки не у отца девушки, а у брата ее матери. Первый выразил решительное несогласие, в ответ Баграт предпринял военную акцию, в ходе которой «захватил Кюрикэ и его брата Смбата и вынудил их сдать ему Самшвилде – столицу Ташир-Дзорагета и ряд крепостей».[3] Брак был совершен.

Можно сделать вывод о том, что представительницы правящей династии, в равной степени матери, супруги и дочери монархов располагали весьма обширными социальными капиталами. Играя важную роль в установлении политических связей, в трансляции власти, в передаче «крови», они имели возможность достаточно активного участия в управлении страной не только в форме негласного влияния, «закулисных» интриг, но и в виде официального регентства или опекунства.

[1] Вардан Великий. Всеобщая история Вардана Великого / Перевод М. Эмина. М. 1861. С. 126 –127.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 72.

[3] Степаненко В. П. Из истории армяно-византийских отношений второй половины X–XI в. (к атрибуции монет Кюрикэ куропалата) / Античная древность и средние века. Свердловск, 1978. Вып. 15. С. 49.

Штрихи к портрету византийской императрицы Μαρία τησ Αλανίασ (τησ Αβασγίασ)

При исследовании основных направлений династических контактов Абхазских Багратидов следует особо выделить брачные связи с империей. Впервые брачные узы связали представителя дома Абхазских Багратидов с Византией в 30-е гг. XI в., когда император Роман Аргир выдал свою племянницу Елену замуж за царя Баграта III. Заключению этого брака содействовала вдовствующая царица Мариам, по сообщению «Летописи Картли», «мать царя абхазов Баграта отправилась в Грецию искать мира и согласия, а также выхлопотать сыну своему сан куропалата, как заведено то в обычае их дома, да привести сыну невесту. Когда же предстала перед царем Греции, с радостью исполнил все желания ее: дал клятву и гарантию союза и любви и составил златопечатную буллу, пожаловал (Баграту) сан куропалата и выдал в замужество ему царевну Елену».[1] Установление родственных отношений с василевсом призвано было упрочить положение Баграта в условиях разобщения правящей элиты Абхазского царства после смерти Георгия III. Через несколько месяцев после заключения брака, супруга царя абхазов скончалась. Вскоре отношения между Абхазским царством и империей ухудшились, по причине перехода под юрисдикцию Византии патримония Дмитрия Анакопийского, младшего брата царя. О корректировке

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 65–66.

внешнеполитического курса Абхазского царства может свидетельствовать выбор в качестве новой супруги Баграта III Борены, сестры Дорголела, «дочери овсского царя».[1]

Значительным событием надо признать заключение брака между дочерью царя абхазов Баграта III Марфой (Мартой) и представителем династии Дук. Впервые царевна Марфа прибыла в Константинополь в 1056 г. в возрасте трех лет. Согласно Георгию Мцире, по просьбе императрицы Феодоры «царь … Баграт с радостью великою отослал … дитя свое Марфу с людьми искренними своими».[2] Однако надо полагать, что дело обстояло иначе, и Марфа была затребована Константинопольским двором в качестве заложницы. Пребывание абхазской царевны в Византии оказалось недолгим. Вскоре после ее приезда императрица Феодора скончалась, и Марфе позволено было вернуться на родину. Краткий период пребывания абхазской царевны в Константинополе описан Георгием Мцире: «…как преставилась царица Феодора, тотчас Марфу, дочь Баграта, ввели во дворец. И как увидел святой этот (Георгий Святогорец – Авт.) Марфу, вслух всем пророчествовал и сказал: «Ведайте все, что сегодня царица вышла и царица вошла». И тогда осталось малое время и опять вверх увели Марфу».[3] Не исключено, что «пророчество» Георгия Святогорца было созвучно планам абхазской дипломатии, использовать пребывание юной царевны при дворе Феодоры для обручения Марфы с представителем одного из знатных семейств империи, чьи шансы на занятие трона могли быть расценены как высокие. Внутриполитическая нестабильность в Византии после кончины Феодоры, вызванная борьбой за власть между различными группировками знати, несколько отсрочила реализацию матримониальных планов Багратидов, но не отменила их. Брак Марфы с представителем императорской семьи способствовал бы упрочению позиций Баграта III, поскольку под властью царя абхазов на тот момент находились только земли, «расположенные ниже Лихи», без Анакопийского удела. Так называемыми «верхними землями» управлял Липарит, не только пользовавшийся доверием византийцев, но сумевший расположить к себе и сельджуков. Ситуация изменилась после того, как в результате заговора знатных вельмож во главе с Сулой Калмахским Липарит был пленен и доставлен к царю. Липарит принял постриг и удалился в Византию, где скончался в 1060 г. Несмотря на то, что опасный соперник сошел с политической сцены, и угроза раскола государства миновала, для сохранения стабильности и усиления позиций абхазской короны взаимоотношения с Византией были крайне важны.

Все более нарастающая угроза со стороны тюрок-сельджуков как для Абхазского царства, так и для империи, подталкивала обе стороны к военно-политическому сотрудничеству. Заинтересованность византийцев в приобретении союзников стала особенно высока с приходом к власти династии Дук. «Внешнеполитическое положение Византии в начале правления Константина X было достаточно стабильным, но уже через несколько лет обстановка на границах стала угрожающей. С начала 60-х гг. империи пришлось вести непрерывную войну сразу на трех направлениях – на Востоке, на Балканах и в Южной Италии. Противники Византии не ограничивались грабительскими набегами на приграничные районы, они перешли к территориальным захватам».[1] Между тем военная политика Константина X

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 66.

[2] Гиорги Мцире. Житие и гражданство святого и блаженного отца нашего Гиорги Святогорца / Перевод И. Зетеишвили // Символ. Париж, 1997. № 38. С. 279.

[3] Там же.

[1] Мохов А. С. Военная политика Константина X Дуки // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия:

Дуки оценивалась современниками как крайне неудачная: тотальное сокращение финансирования армии и численности войск, рост значения наемных отрядов. «Недовольство в среде военных постепенно нарастало и, в итоге, вылилось 23 апреля 1060 г. (день св. Георгия) в попытку свержения» императора, «…однако реализовать свои планы мятежникам не удалось».[1] Не доверяя собственным военным, Константин все более был склонен опираться на наемников, в том числе и с Кавказа. От мероприятий Константина X особенно сильно пострадали стратиотские ополчения малоазийских провинций и контингенты восточных пограничных фем. В условиях сокращения военных ресурсов византийцев на этом направлении и нарастающей деградации национальных вооруженных сил, царь абхазов представлялся важным союзником в борьбе с сельджуками.

Константин X, находившийся под сильным влиянием своего окружения, не являлся самостоятельной политической фигурой.[2] Ближний круг императора составляли лица, способствовавшие его воцарению, среди них младший брат, кесарь Иоанн Дука, номофилакс, а позже Константинопольский патриарх Иоанн Ксифилин и проедр, ипат философов Михаил Пселл. Последний был воспитателем наследника престола. Несомненно, что такое важное решение как выбор невесты для Михаила Дуки принималось не без участия императорского окружения, более того, не исключено, что кандидатура абхазской царевны могла быть предложена кем-то из советников Константина.

Если анонимный автор весьма краток, сообщая о замужестве Марфы одной строкой: «И выдал царь Баграт дочь

История. Политология. Экономика. Информатика. Выпуск 17, № 1. (96) / 2011. Белгород, 2011. С. 65.

[1] Там же. С. 60

[2] Там же. С. 59.

свою Марфу в замужество за царя греческого»,[1] то Георгий Мцире более информативен. Он повествует: «Отправились же мы сюда в то время, когда царевну Марфу в невесту себе привел Константин Дукиций, царицей в Царский этот город, как написали мы уже прежде о пророчестве старца, ибо, увозя ее прежде нас, сказала Мариам, мать Баграта, старцу: «Вот, отче, исполнилось пророчество твое о Марфе». И так увезли ее с великим почетом в Царский <град>. От царя же послан был Арон, а от своего отца были при ней блаженный старец Петрэ, бывший Патрикий, и Иоанэ, Бедийский архиепископ и синкелл, и иной народ многочисленный, кто прежде нас пришел туда».[2] Приезд царевны Марфы (Марты) в Константинополь произошел, согласно источникам, через девять лет после первого посещения ею ромейской столицы. Следовательно, прибытие императорской невесты и ее свиты в Византию можно датировать 1065 г. До совершения бракосочетания Марфа повторно прошла обряд крещения, получив новое имя, Мария. Супруг абхазской царевны, старший сын императора Константина X Дуки и Евдокии Макремболитиссы, Михаил был человеком образованным, увлекавшимся философией и сочинением стихов. Михаил Пселл, характеризуя своего воспитанника, писал: «Царский блеск не заботит Михаила, и он хочет, чтоб его голову красил не венец, а образы добродетели».[3] Но именно ему предстояло взойти на трон в 1071 г., после трагического для империи поражения при Манцикерте. В условиях все

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 73.

[2] Гиорги Мцире. Житие и гражданство святого и блаженного отца нашего Гиорги Святогорца / Перевод И. Зетеишвили // Символ. Париж, 1997. № 38. С. 299.

[3] Пселл Михаил. Хронография. Краткая история / Пер., статья, примечания Я. Н. Любарского; Пер. Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абдрахмановой. СПб., 2003. С. 196.

более ухудшающейся политической обстановки, правление склонного к литературным штудиям, а не к военным занятиям императора вряд ли могло быть удачным. В 1074 г. у императорской четы родился сын Константин. Еще будучи младенцем, он был обручен с дочерью могущественного правителя Сицилии Робера Гвискара, Еленой. Степень влияния императрицы Марии при дворе Дук вероятно была невелика, долгое время она находилась в тени своей свекрови Евдокии Макремволитиссы.[1] Михаил Пселл отмечает кротость и скоромность Марии: «Никто, кроме мужа, не слышал звука ее голоса, и без украшений она прекрасней, чем когда по необходимости их надевает». Тот же автор не преминул «воздавать царице хвалу за ее род, богатством и древностью превосходящий любой царский, хватит с нее нрава ее несравненного и красоты неподражаемой».[2]

Мнение о том, что благодаря Марии под контроль абхазской короны в 1073 г. были возвращены Анакопийский удел и ряд крепостей в Тао, представляется не вполне обоснованным. В «Летописи Картли» говорится, что занявший абхазский престол после смерти в ноябре 1072 г. Баграта III Георгий IV «отобрал у греков Анакопию – главную крепость Абхазии, и многие крепости Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артаани. А затем… взял он город Кари – крепость (с прилегающими) землями».[3] После битвы при Манцикерте, а возможно и ранее, концу правления Константина X Дуки, произошла ликвидация системы территориальных военных командований (фем) на Востоке. Византийцы просто

[1] Garland Lynda with Stephen H. Rapp Jr. Mart'a-Maria 'of Alania. https://www.roman-emperors.org/maryal.htm

[2] Пселл Михаил. Хронография. Краткая история / Пер., статья, примечания Я. Н. Любарского; Пер. Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абдрахмановой. СПб., 2003. С. 197.

[3] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 78.

были не в состоянии удерживать за собой эти территории. Сообщая о передаче Георгию IV великим доместиком Востока (арм. – зоравар) Григорием Пакуриани крепости Карс, анонимный автор «Жизни Царя Царей Давида» отмечает, что «когда же усилились турки, покинули греки свои земли, крепости и города, принадлежавшие им на Востоке, и ушли. Турки же взяли [владения греков] и поселились в них. И, приблизившись к нашим границам, стали они нашими соседями…».[1] Тяжелая военно-политическая обстановка заставила византийцев покинуть и Анакопийскую крепость, которая тут же перешла в руки царя абхазов.

Семилетнее правление Михаила было отмечено усилением внутриполитического кризиса и многочисленными мятежами, для подавления которых император вынужден был обращаться за помощью к сельджукам. В 1077 г. против Михаила Дуки практически одновременно восстали два полководца – Никифор Вриенний и Никифор Вотаниат. Оба двинули свои войска на Константинополь. В марте 1078 г. Михаил VII вынужден был отречься от престола в пользу Никифора Вотаниата. Бывший император принял постриг и удалился от мира, позже он занял кафедру митрополита в Эфесе. Его жена Мария и малолетний сын Константин Порфирородный Дука были отправлены в монастырь Петри.[2]

3 апреля 1078 г. на Константинопольский престол взошел Никифор Вотаниат. Желая упрочить свое положение и подчеркнуть преемственность власти, новый император решил связать себя брачными узами с супругой свергнутого Михаила Дуки. Г. А. Острогорский писал: «Для того, чтобы установить связь с домом Дук и таким образом отдать должное византийскому чувству легитимности, он женился

[1] Картлис цховреба (История Грузии) / Пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008.С. 181.

[2] Исторические записки Никифора Вриенния (976–1087) / Пер. под ред. В. Н. Карпова. М., 1997. С. 137.

на императрице Марии, супруге своего предшественника».[1] Устроению этого брака способствовал Иоанн Дука, дядя Михаила, он «говорил Никифору, что Мария – чужеземка, у нее нет толпы родственников, которые стали бы докучать императору, неоднократно с похвалой отзывался о ней и много рассказывал о роде и красоте Марии».[2]

Если с политической точки зрения подобный выбор выглядел вполне обоснованным, то с точки зрения церковного права представлялся более чем сомнительным. Никифор Вриенний отмечал: «…василевс с царицею, как жених с невестой, стояли уже пред дверями святилища. Но долженствовавший обручить их (священник) одумался и стал опасаться низложения; потому что василевс Михаил Дука, муж Марии, и супруга Вотаниата от второго его брака – были еще живы».[3] Согласие Марии на брак, скорее всего, было продиктовано желанием обеспечить будущее своего порфирородного сына. После бракосочетания Марии и Никифора Вотаниата, юный Дука был объявлен наследником императора. В 1081 г. в знак расположения к родственникам супруги Вотаниат даровал титул «кесаря» ее брату. Со временем император, не имевший сыновей, стал склоняться к тому, чтобы сделать своим преемником одного из представителей семьи Синадинов, своих близких родственников.

По словам Анны Комнины, императрица Мария была крайне обеспокоена этим. Она быстро поняла, что при такой перспективе шансы ее сына когда-нибудь занять престол просто ничтожны. Это обстоятельство сблизило императрицу с братьями Комнинами. Представители знат-

[1] Острогорский Г. А. История Византийского государства / Пер. с нем.: М. В. Грацианский; ред.: П. В. Кузенков. М., 2011. С.430.

[2] Анна Комнина. Алексиада / Вст. статья, перев., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С.119.

[3] Исторические записки Никифора Вриенния (976–1087) / Пер. под ред. В. Н. Карпова. М., 1997. С. 136.

ного семейства братья Исаак и Алексей вынашивали далеко идущие политические планы и желали видеть Марию своей союзницей. «Они просили, чтобы императрица считала их своими друзьями и земляками – людьми из одной с ней земли… и призывали ее не терять присутствия духа, говоря, что с божьей помощью они окажут ей деятельную поддержку, и благодаря их содействию ее сын Константин не лишится власти».[1] Комнины имели доступ в покои императрицы, поскольку Исаак был женат на ее двоюродной сестре, а Алексей был усыновлен Марией. Неудивительно, что императрица приняла деятельное участие в заговоре, имевшем целью свержение ее супруга, Никифора Вотаниата. Императрица и Комнины быстро вошли в соглашение и заключили негласный договор, согласно которому Константин Порфирородный Дука, в случае успеха восстания Комнинов, будет признан соимператором Алексея с правом носить пурпурную обувь и царское платье. В конце марта 1081 г. Никифор Вотаниат был свергнут, а уже 4 апреля императором был провозглашен Алексей Комнин. Мария с сыном не спешила покидать императорский дворец, что дало повод для пересудов. В изложении Анны Комниной последующие события развивались следующим образом: «После провозглашения Алексея Комнина мать Константина, императрица Мария, убежденная советами кесаря, попросила у самодержца скрепленный красной подписью и золотой печатью документ о том, что она и ее сын будут находиться в безопасности и, более того, что Константин станет царствовать вместе с Алексеем, будет обут в красные сандалии, получит венец и его вместе с Алексеем провозгласят императором. … Устроив таким образом свои дела, Мария вместе с большой свитой выступает из дворца с намерением поселиться

[1] Анна Комнина. Алексиада / Вст. статья, перев., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С.93–94.

в доме, построенном покойным императором Константином Мономахом возле монастыря великомученика Георгия (это место до сих пор на простонародного языке называется Манганы). Марию сопровождал севастократор Исаак».[1]

Рожденная в 1083 г. дочь императора Алексея Комнина Анна была обручена с Константином Дукой и воспитывалась в доме Марии. Именно ей мы обязаны подробным описанием внешности императрицы: «…была она высокой и стройной, как кипарис, кожа у нее была бела, как снег, а лицо, не идеально круглой формы, имело оттенок весеннего цветка или розы…. Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми. Рука художника нередко воспроизводила краски цветов, которые несут с собой времена года, но чары императрицы, сияние ее красоты, любезность и обаяние ее нрава, казалось, были недоступны ни описанию, ни изображению…».[2] Можно было бы обвинить Анну в пристрастности, если бы не многочисленные, совершенно согласные друг с другом, восторженные отзывы других авторов о Марии. «Белокурому Менелаю», Константину Дуке, за права которого боролась его мать, не суждено было стать императором, он умер в возрасте 21 года. Мария удалилась в монастырь, где прожила насыщенную духовными исканиями жизнь, достаточно отметить ее активную переписку с богословом Феофилактом Охридским. Последний написал по ее просьбе свои комментарии к евангелиям от Марка и от Луки и к малым пророкам.[3] Упомянута Мария и в деяниях Руисско-Урбнийского собора Картлийского католикосата, созванного Давидом Возобновителем в 1103 г., что, по мнению австралийской исследовательницы Линды

[1] Анна Комнина. Алексиада / Вст. статья, перев., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 124.

[2] Там же. С. 119.

[3] Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 429.

Гарланд, свидетельствует о большом уважении к абхазской царевне и бывшей византийской императрице.[1] На момент проведения собора Марфа (Мария) была жива. Скончалась она, предположительно, в 1105 г. и похоронена в монастыре на горе Папикион.[2] В свете последних изысканий греческих археологов, А. Микаберидзе выражено мнение, что прах Марии мог быть перезахоронен в Константинополе или Иерусалиме.[3] Брачные контакты Абхазского царства с империей имели продолжение. Дочь Давида Возобновителя Ката (Ирина) в 1116 г. стала женой севастократора Исаака, сына основателя династии Комнинов Алексея. Невесткой Иоанна Калояна Комнина и супругой со-императора после 1118 г. стала абхазская княжна.

Особо следует обратить внимание на вопрос об этнической принадлежности или даже этнической самоидентификации Марфы (Марии). Лично знавшие и контактировавшие с ней Михаил Пселл и Анна Комнина, к сожалению, ничего не сообщают по этому поводу. Иоанн Скилица, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара именуют ее Марией Аланской. Ясность попытался внести византийский писатель XII в. Иоанн Цец. В своем труде «Хилиады» («Тысячи») он пишет, что госпожу Марию следует именовать не аланкой, а авасгиссой. При этом он добавляет, что его прабабушка прибыла в Константинополь в свите будущей императрицы и являлась ее родственницей. Далее Цецес утверждает, что иберы, авасги и аланы составляют один народ, иберы – первенствуют, абасги – вторые, аланы занимают третье место. Поэт не пояснил,

[1] Garland Lynda with Stephen H. Rapp Jr. Mart'a-Maria 'of Alania. https://www.roman-emperors.org/maryal.htm

[2] Там же.

[3] Микаберидзе А. Новые штрихи к портрету византийской императрицы Марии Вотаниати / Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. М., 2005. С. 150.

что лежит в основе данного ранжирования, однако, отдавая первое место иберам, называет царскую дочь и императрицу Авасгиссой.[1] Видимо, в семейных преданиях Цецей сохранились четкие сведения об этнической принадлежности императрицы Марии, что не позволило византийскому поэту назвать ее иберийкой, несмотря на отдаваемое данному этносу предпочтение. Действительно, дочь правителя, чей статус определялся обладанием короной «царя абхазов», не могла относить себя к другому этносу, как только к тому, чье имя следовало за титулом ее отца.

[1] Joannis Tzetzae. Historiarum variarum Chiliades / graece ed.Th. Kiesslingius, Lipsiae, 1826. V, 576-600. 179 p.

Византийские исторические сочинения эпохи Комнинов об абхазах

В конце XI в. Византийская империя переживала один из самых драматических периодов в своей истории. Тяжелое поражение от турок-сельджуков в битве при Манцикерте в 1071 г., пленение императора Романа IV Диогена, потеря значительной территории, внутренние смуты, норманнская угроза поставили её на грань гибели. Однако государству ромеев удалось возродиться, возвратить былую славу и могущество с приходом к власти династии Комнинов. Комнины управляли Византийской империей чуть более ста лет – с 1081–1185 гг. Основателем династии был Алексей Комнин. Энергичное и умелое правление Алексея I с честью вывело государство из целого ряда суровых испытаний. Императору удалось отвоевать у турок-сельджуков малоазийское побережье, нанести серьёзное поражение печенегам, подчинить Сербию. Успешная внешняя политика Алексея была обусловлена смелыми внутриполитическими преобразованиями. «Именно с этого времени Византия приобретает черты феодальной монархии и отбрасывает многое … из наследия Римской империи и института фем».[1] Алексей пришел к власти после свержения императора Никифора III Вотаниата. «Захватив скипетр»,[2] он, желая придать легитимность своим действиям, объявил соправителем сына покойного императора Михаила VII Дуки и Марии

[1] Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996. С. 105.

[2] Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. С. 117.

Аланской (Абасгской) – Константина. Малолетний Константин «… царствовал вместе с самодержцем…, вместе с ним подписывал красными чернилами дарственные грамоты, в процессиях сопутствовал с тиарой на голове, в славословиях же упоминался на втором месте…»,[1] с ним была обручена старшая дочь Алексея, Анна. В 1087 г. у императорской четы родился сын Иоанн, по словам Анны Комниной, «желая возвести мальчика в императорское достоинство и оставить ему в наследство Ромейское государство, родители в Великой божьей церкви удостоили его святого крещения и венца».[2] Согласно другим источникам, Иоанн был объявлен со-императором в возрасте трех-четырех лет,[3] прежний соправитель. Алексея Константин был низложен. Со временем, Иоанн становится правой рукой отца. В 1104 г. он вступает в брак с дочерью венгерского короля Ласло Святого, Пирошкой Арпад, получившей в крещении имя Ирины. В 1106 г. у них рождаются первенцы близнецы – Алексей и Мария. По словам хронистов, василевс был весьма расположен к старшему сыну, императрица же, Ирина Дукиня, мать Иоанна, напротив, благоволила дочери Анне и её мужу Никифору Вриеннию. Неудивительно, что в последние часы жизни Алексея началась жесткая борьба за власть между двумя соперничающими партиями. «…Иоанн, видя, что близка кончина отца, и зная о нелюбви к себе матери, которая прочит императорскую власть его сестре, поделился своими замыслами с некоторыми родственниками, которые были к нему расположены …».[4] Среди тех, кого кесарь посвятил в свои планы, был не только его ближайший

[1] Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. С. 189.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 522.

[4] Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / Перевод под редакцией проф. В. И. Долоцкого. Т. 1, СПб., 1860–1862. С. 3.

родственник – брат Исаак, но также, без сомнения, и будущие родственники, в лице прибывших в Константинополь с невестой для его сына Алексея представители абхазской знати. Иоанн решил отправиться в Манганский монастырь, где находился император, дабы завладеть одним из атрибутов высшей власти – перстнем с печатью. Делал он это, по словам хрониста, с согласия умирающего василевса. После чего, проведя короткое совещание со своими соратниками, Иоанн в сопровождении свиты выехал из Манган, который фактически находился в осаде его приверженцев. Об этом подробно повествуют два хрониста – Никита Хониат и Иоанн Зонара. Особенно ценно сообщение последнего, так как Иоанн Зонара являлся очевидцем описываемых событий. По его словам, «у самой ограды Манган его (т.е. Иоанна) встретили авасги – они были присланы из Авасгии вместе с девушкой, обрученной с сыном кесаря. Увидев его, они подняли крик и преклонили колена».[1] Присутствие абхазов у стен Манганского монастыря не могло быль случайным, оно являлось выражением поддержки кесарю, свидетельством вовлеченности их в конфликт дворцовых группировок. Именно абхазы первыми приветствовали Иоанна как василевса, что позволило секретарю императорской канцелярии Иоанну Зонаре выделить их из разноликого константинопольского люда и особо отметить это в своем историческом сочинении. Слова Иоанна Зонары подтверждает и другой хронист, Никита Хониат: «В самом Манганском дворце и на улицах его (т.е. Иоанна) провозглашали самодержавным императором расположенный к нему народ и те, которые собрались, услышав о происходящем».[2] Решительные действия кесаря и его приверженцев внесли смятение в лагерь их противников.

[1] Ioannis Zonarae. Epitome Historiarum / Ed. L. Dindorfi. Lipsiae, !868–1875. P. 761.

[2] Там же.

Император Иоанн Комнин удостоился самых лестных эпитетов от греческих и латинских хронистов. В историю он вошел под именем Иоанна Калояна, то есть Иоанна Превосходнейшего. В оценке личности и деятельности второго императора из династии Комнинов среди историков нового и новейшего времени также царит единодушие. Ш. Лебо назвал Иоанна «Марком Аврелием Константинопольским».[1] Если «в правление первого из Комнинов – Алексея – империя смогла остановить натиск неприятеля и справиться с мятежами знати»,[2] то при его преемнике – она расширяет границы и возвращает себе статус одного из ведущих государств в мире.

Как уже было сказано, прибывшая из Абхазии девушка была предназначена в жены старшему сыну Иоанна Калояна, Алексею. Император даровал ему «право носить порфиру и обуваться в красные сапоги и дозволил вместе со своим именем провозглашать и его имя, когда народные толпы приветствуют его именем римского Самодержца…».[3] Одно из греческих рукописных Евангелий, украшенное миниатюрами, содержит портретные изображения Иоанна и Алексея. «Император и его сын запечатлены в роскошном царском облачении из темно-пурпурной материи с золотым узором. Корона Иоанна имеет форму полукруглой шапки, а у Алексея она похожа на диадему с жемчужными подвесками… каждый держит в руках лабарум (Константиново знамя или хоругвь)».[4] Таким образом, представительнице

[1] Каждан А. П. Загадка Комнинов (опыт историографии) // Византийский временник. М., 1964. Т. XXV. С. 57.

[2] Там же. С. 53.

[3] Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / Перевод под редакцией проф. В. И. Долоцкого. Т. 1, СПб., 1860–1862. С. 22.

[4] Вейс Герман. История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь. «Темные века» и Средневековье (IV – XIV вв.) Т. 2. М., 1999. С. 66.

абхазской знати предстояло стать супругой со-императора. «Невесту из Авасгии» нет оснований отождествлять с Катой, дочерью царя абхазов Давида I. Согласно сообщению грузинского летописца, в 1116 г. младшая дочь Давида отбыла в Константинополь, старшая его дочь Тамара к этому времени уже являлась женой ширванского шаха: «...свою дочь Кату отправил в Грецию в невестки к греческому царю. Ибо прежде этого, первородная его Тамара была отправлена им в царицы Ширвана».[1] Имя будущего мужа Каты хронист не называет. Очевидно, Ката стала женой второго сына императора Алексея Комнина – Исаака, который носил высокий титул «севастократора». Согласно сообщениям византийских авторов, у Исаака было два сына, Иоанн и Андроник. Последний хорошо известен как византийским, так и грузинским хронистам. Андроник, так же как его отец Исаак и старший брат Иоанн, конфликтовал с императором, поэтому большую часть жизни провел за пределами родины, «перебывав у многих народов».[2] Будучи непревзойденным мастером политической интриги, он постоянно был занят поиском союзников против василевса, тайком, а то и в открытую, нанося вред ромейскому государству, за что был предан церковной анафеме.[3] Андроник не преминул возможностью воспользоваться гостеприимством и царя Георгия V Багратиони, о чем сообщает автор «Истории и восхваления венценосцев»: «Некогда к нему (т.е. Георгию – Авт.) пожаловал с красивой, светлоликой женой и детьми

[1] Житие царя царей Давида / Перевод свящ. И. Зетеишвили // Символ. Париж, 1989. № 40. С. 283

[2] Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Перевод под редакцией проф. В. И. Долоцкого. Т. 1, СПб., 1860–1862. С. 180.

[3] Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов / Перевод под редакцией проф. В. Н. Карпова. СПб., 1859. С. 278.

Андроник Комнен, сын сестры его отца… Возблагодарив бога, он принял его [как подобает] и оказал честь сообразно родственной с ним связи: одарил его городами и крепостями в достаточной мере, поставил престол поблизости к своему престолу, напротив Агсартана, приходившемуся отцу его племянником по сестре, царя Шарвана от Дербенда до Халхала…».[1] Таким образом, согласно грузинскому хронисту XII в., Георгий V, Андроник Комнин и правитель Ширвана Агсартан состояли в близком родстве, являлись двоюродными братьями, что полностью подтверждает сообщения летописца Давида Возобновителя о замужестве царевен Тамар и Каты. Сопоставление сведений грузинских и византийских летописей показывает, что младшая дочь Давида I являлась женой Исаака Комнина, младшего брата Иоанна Калояна. Отпрыском этой четы являлся Андроник, последний византийский император из династии Комнинов.

Родственные связи между потомками Андроника Комнина и Абхазскими Багратидами поддерживались и позже. После гибели Андроника и его сына Мануила, его малолетние внуки, Алексей и Давид были тайно вывезены из Константинополя и пребывали при дворе царицы Тамары. При содействии последней, Алексей стал основателем династии Трапезундских императоров.[2]

Супруга старшего сына императора Иоанна Алексея, судя по всему, не принадлежала к царствующему дому. Аналогичных примеров в византийской истории не мало. Во вступительном слове к одному из сочинений известного византийского религиозного писателя Василия Охридского В. Г. Васильевский отмечал: «… вообще, особенной разборчивости в степенях знатности приводимых из чужа невест в Византии не соблюдалось… Скорее нужно иметь в виду следующее. В случае женитьбы на иностранках между приведением невесты в Грецию и совершением брачного обряда обыкновенно наблюдается значительное расстояние по времени; приводили обыкновенно малолетних княжеских дочерей и с действительным браком не спешили, потому, что этому должно было предшествовать воспитание невесты в византийских нравах и даже обучение языку…».[1] Так, первой женой младшего брата кесаря Алексея, севастократора Мануила, впоследствии императора, была дочь немецкого графа, Берта Зульцбах, свояченица короля Конрада III Швабского, не отличавшаяся родовитостью. Этот брак был продиктован желанием скрепить союз Гогенштауфенов и Комнинов против норманнов. Вероятно, и женитьба старшего сына Иоанна Калояна на представительнице абхазской знати отвечала интересам империи. Сведений об абхазской невестке императора Иоанна сохранилось немного. Придворный византийский поэт Феодор Продром в приветственном стихе, сочиненном по случаю прибытия в Константинополь невесты севастократора Мануила, восхвалял императора Иоанна за то, что он «приискал своим сыновьям благородных, хороших жен».[2] Он писал: «На чужие народы ты налагаешь контрибуции и дань. А своим детям приводишь прекраснейших невест…».[3] Обращаясь к Берте (Ирине), он восклицал: «Пусть же она исполнится в душе несказанной радостью и обнимет цариц, вышедших ей на встречу…».[4] Под царицами, встречавшими невесту Мануила, следует понимать жен его старших братьев, Алексея и

[1] История и восхваления венценосцев / Перевод К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1985. С. 26–27.

[2] Жизнь царицы цариц Тамар / Перевод В. Д. Дондуа. Тбилиси, 1985. С. 45.

[1] Васильевский В. Г. Василия Охридского неизданное надгробное слово // Византийский временник. 1894. Т. 1. 1894. С. 85–86.

[2] Там же. С. 80.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 81.

Андроника. Сам император и его сыновья отсутствовали в столице. После успешной военной экспедиции против иконийских турок они занимались подготовкой похода в Сирию. Это же событие описывает и историк Иоанн Киннам: «… прибыла она (Берта – Авт.) в Византию, – встретили её и особы из высших фамилий, и супруга царя Алексея. Последняя была одета в платье из кисеи, прошитое золотом и пурпуром, но отлив пурпура на кисее делал его темным, похожим на платье пилигримки. Посему Ирина спросила присутствующих: «Кто это пышно одетая монахиня?». Слышавшие такой вопрос почли его худым предзнаменованием, которое вскоре и оправдалось».[1] Из приведенного отрывка следует, что супруга наследника престола Алексея была облачена в платье из виссонной ткани в сочетании с золотом и пурпуром, носить которое имела право только императрица. После смерти своей свекрови Ирины в 1134 г. она, как старшая из императорских невесток, возглавляла женскую часть императорского дома. Встречавшая немецкую графиню супруга Алексея ещё не знала о горестных событиях, произошедших в Атталии. В течение нескольких дней 1142 г. два сына императора Иоанна, Алексей и Андроник, скончались. Их тела в сопровождении брата Исаака были морем отправлены в Константинополь, где состоялось погребение. В труде Иоанна Киннама содержится намек на то, что после смерти кесаря его супруга удалилась в монастырь. Вследствие несчастного случая на охоте весной 1143 г. умер и сам император Иоанн. Перед самой кончиной он объявил своим наследником младшего сына Мануила.

У кесаря Алексея и его жены, абхазской княжны (к сожалению, источники не сохранили её имени) была единствен-

[1] Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов / Перевод под редакцией проф. В. П. Карпова. СПб., 1859 С. 37.

ная дочь Мария.[1] Хронист Никита Хониат относится к ней с большим пиитетом, по его словам, Мария «...красавица и светлое украшение женщин в своем царском роде...».[2] Дочь порфирородного Алексея была замужем за старшим сыном великого доместика Иоанна Аксуха. Последний, преданный друг и сподвижник императора Иоанна, пользовался большим уважением и почетом. Его сын, протостратор Алексей смелый и талантливый полководец был популярен в армии. Император Мануил, встревоженный этим обстоятельством, заточил Алексея Аксуха в одном из монастырей, где он вынужден был принять постриг. Его жена Мария, согласно Хониату, «поглощенная чрезмерной скорбью»,[3] вскоре умерла, оставив после себя двух сыновей.

Помимо брачного союза представительницы абхазской знати с наследником ромейского престола исторические источники сохранили и другие свидетельства абхазо-византийских взаимоотношений в XII в. Весьма интересные данные содержатся в труде Иоанна Киннама «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов». Автор данного исторического сочинения совмещал военную службу с должностью царского грамматика. Киннам сообщает в основном о событиях, которым сам был очевидцем. Жил он в царствование Мануила и принимал участие во многих военных экспедициях автократора. В числе прочих, он описывает поход императора против правителей Киликии и Антиохии в 1158–1159 гг. После взятия столицы Киликии Тарса Мануил намеревался продолжать военные мероприятия. Антиохийский князь Рейнальд, предупреждая действия византийцев, сам прибыл в ставку импера-

[1] Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / Перевод под редакцией проф. В. И. Долоцкого. Т. 1. СПб., 1860–1862. С. 130.

[2] Там же. С. 184.

[3] Там же. С. 185.

тора: «...снял с головы шлем, обнажил руки до самых локтей и, без обуви, с толпой монахов, пройдя через весь город, предстал пред царем с веревкой на шее и с мечем в левой руке… Став на колена и проливая слезы, простирал к нему руки».[1] Свидетелями этого события стали многочисленные послы, «которым тогда случилось здесь быть».[2] По словам Иоанна Киннама, «… этому дивились послы народов азийских, хоризмян, сузян, екватанцев, мидян и вавилонян, которые главного своего властителя называют султаном; также послы верриэйского сатрапа Нураддина и послы персидского филарха Ягупасана, авазгов, иберийцев, палестинян и армян, живущих за исаврами».[3]

Таким образом, согласно сообщению высокопоставленного чиновника императорской канцелярии Иоанна Киннама, ко двору василевса с территории, находившейся под скипетром Абхазских Багратидов, прибыли сразу две дипломатические миссии. Справедливо замечание И. А. Джавахишвили о том, что в означенный период «отдельные царства как бы по-прежнему сохраняли жизнь».[4] Последнее, в полной мере, относится к той части государства Абхазских Багратидов, которая была унаследована ими от династии Леонидов. Абхазская знать со времен первых царей обладала определенными преимуществами, которых, по мере смещения центра тяжести политической жизни государства Багратидов на восток в течение последней четверти XI – первой половины XII в., она опасалась лишиться. Зная об интересе византийцев к Черноморскому побережью Кавказа, абхазская элита могла воспользоваться этим обстоятельством в своих целях и включиться в сложную дипломатическую игру. Установив связь с империей, в том числе и посредством брачного союза абхазской княжны с представителем династии Комнинов, она могла позволить себе больше свободы во взаимоотношениях с Багратидами. Именно этим обстоятельством можно объяснить интенсивные контакты абхазов с Византией в период правления первых Комнинов что нашло свое отражение в ряде византийских источников.

---

[1] Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов / Перевод под редакцией проф. В. Н. Карпова. СПб., 1859. С. 201.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Джавахишвили И. История грузинского права. Тифлис, 1929. Т. 2. Ч. 2. С. 115. (на груз. яз.). Цит по: Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии. (Сатавадо – сеньории). Тбилиси, 1961. С. 28.

Страна ал-Ланиййа и её города по «Нузхат ал-Муштак»

Арабская географическая литература IX–XIV вв. содержит богатый материал по Кавказу. Среди прочих, можно выделить труд ученого XII в. ал-Идриси «Нузхат ал Муштак фи хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»).

В конце 30-х гг. XII в. ал-Идриси проживал в Палермо при дворе норманнского правителя Сицилии Рожера II. По желанию короля, ученый приступил к работе по составлению карты мира, которая была закончена в 1154 г. Итогом многолетних трудов ал-Идриси стала книга, содержавшая описание обитаемой ойкумены, подробная карта на 70 листах и отлитый по приказу сицилийского монарха серебряный диск, на который были нанесены географические объекты. Благосклонность и покровительство Рожера II, создавшего ученому идеальные условия для работы, обеспечили высокий уровень научных изысканий. Ал-Идриси имел возможность пользоваться трудами античных ученых, классическими произведениями арабо-персидской географической литературы, в его распоряжении были многочисленные итинерарии – дорожники европейских и византийских купцов и путешественников, морские лоции, сведения, полученные в результате организованных по приказу короля Рожера экспедиций, его информаторами были многочисленные торговцы, паломники, послы иноземных государств, посещавшие Сицилию. Степень информированности автора о разных областях ойкумены была не одинакова. Больше сведений у географа было о тех регионах и странах, по территории которых проходили оживленные торговые магистрали. По мнению академика Б. А. Рыбакова, сочинение ал-Идриси следует рассматривать не как «целостное равнозначное отображение действительности, а изображение отдельных маршрутов».[1]

Довольно неплохо был известен сицилийскому географу бассейн Черного моря (бахр Нитас). При его описании ал-Идриси опирался в основном на сообщения информаторов, но использовал и сведения, почерпнутые из сочинений предшественников. Ученый повествует о размерах моря, о странах и городах, расположенных на его побережье. «По материалам ал-Идриси можно установить основные направления торговых путей в бассейне Черного моря в первой половине XII века».[2] Подробно описаны маршруты плаваний от Константинополя до Трапезунда и от Константинополя до Тамани (Матрахи). Эти морские пути были хорошо известны византийским и итальянским купцам, которые вели активную торговлю в регионе. От них ал-Идриси получил пространный перечень населенных пунктов на побережье Черного моря с расстояниями между ними. «Судя по описанию прибрежных городов, основными маршрутами плаваний были плавания от города к городу. В пользу такого предположения говорит и общее представление о размерах и очертаниях Черного моря», отмечал В. М. Бейлис.[3] Такого же мнения, придерживался и академик

[1] Рыбаков Б. А. Русские земли по карте ал-Идриси 1154 года // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. XLIII. М., 1952. С. 8.

[2] Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 165.

[3] Бейлис В. М. Ал-Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н /Дону, 1988. С. 71.

Б. А. Рыбаков.[1] Арабский ученый располагал обстоятельными, вполне надежными сведениями о западном и южном Причерноморье. Менее известными оставались для него северо-восточное и восточное побережье Черного моря. Если большинство населенных пунктов, городов и гаваней, которые упоминаются при описании маршрутов Константинополь – Тамань (Матраха) и Константинополь – Трапезунт поддаются идентификации, то рассказ о пути из Трапезунта в Матраху, в шестой секции шестого климата содержит ряд географических наименований, локализация которых затруднительна. В связи с этим, некоторые авторы придерживаются мнения о том, что маршрут от Трапезунда к восточному и северо-восточному побережью Черного моря, представленный в «Нузхат ал-Муштак», в основном пролегал по суше.[2] Однако хотелось бы заметить, что в труде ал-Идриси описание путей от Константинополя до Матрахи и от Константинополя до Трапезунда являются, по сути, лоциями. Следуя логике, географ должен был продолжить описание черноморского побережья маршрутом от Трапезунда до Матрахи, что давало возможность читателю иметь полное представление о протяженности Черного моря, о его прибрежной полосе. Кроме того, отображение Черного моря на карте было бы невозможно, не располагай ученый определенной информацией о его восточном побережье. Расстояние от Трапезунда до Матрахи в 534 мили (830 км) указанно географом, довольно точно.

Начальным пунктом маршрута, изложенного ал-Идриси в шестой секции шестого климата, значится Трапезунд. «Го-

[1] Рыбаков Б. А. Русские земли по карте ал-Идриси 1154 года. Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. XLIII. М., 1952. С. 16–17.

[2] Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 165.; Рыбаков Б. А. Русские земли по карте ал-Идриси 1154 года. Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. XLIII. М., 1952. С. 16.

род Атрабзунда (Трапезунд), по словам ал-Идриси, – «…это «одна из столиц ар-Рума, известная своей древностью…».[1] Трапезунд был хорошо известен ал-Идриси в качестве прибрежного города, «соседящего с землей Арминийа».[2] В четвертой секции шестого климата географом подробно представлен морской путь от Константинополя до Трапезунда. У ал-Идриси есть описания и «сухопутных маршрутов от Трапезунда до различных пунктов».[3] «В самом тексте сочинения имеется ссылка на некие «регистры» (дафтир) Трапезунда, которые послужили одним из источников для характеристики городов южного Причерноморья».[4] Автор даже делает уточнение, что, согласно реестрам, правильным следует считать наименование «Атрабзунда», ранее же название малоазийского города, по его словам, было «Атрабзуни». Маловероятно, что небольшой город или местечко в Крыму с аналогичным названием (если они действительно существовали) могли послужить отправной точкой важного торгового маршрута. Обладая значительной информацией о крупнейшем коммерческом и ремесленном центре Причерноморья, коим являлся средневековый Трапезунд, ал-Идриси не мог быть дезориентирован, даже в случае существования сдвоенных топонимов (никаких указаний на сей счет в его работе нет). Кроме того, на секционных картах «Нузхат ал-Муштак» отмечен только один Трапезунд – на южном побережье Черного моря. Думается, что в шестой секции шестого климата географ говорит именно о малоа-

[1] Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы / Перевод И. Г. Коноваловой. М., 2006. С. 118.

[2] Бейлис В. М. Ал-Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н /Дону, 1988. С. 70.

[3] Там же. С. 71.

[4] Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 29.

зийском городе Трапезунде, как об исходном пункте маршрута по восточному побережью Черного моря. На восток от Трапезунда расположена обширная страна, которую арабский ученый именует ал-Ланиййа. В 75 милях к востоку от Трапезунда, по данным ал-Идриси, в Черное море впадает река Русиййу, «берущая начало с вершины горы ал-Кабак… (Кавказ)».[1] Эта река, по словам географа, «пересекает страну ал-Ланиййа».[2] Расчеты В. Томашека показали, что миля Идриси равнялась приблизительно 1,555 км. Этой цифры придерживаются и современные исследователи «Нузхат ал-Муштак».[3] Следовательно, река Русиййу, согласно ал-Идриси, находилась на расстоянии 120 км от Трапезунда. На таком удалении от малоазийского города в Черное море впадает небольшая река Фыртына, которая вряд ли могла оказаться в поле зрения географа, значительные же реки расположены на гораздо большем расстоянии от Трапезунда. В связи с этим, возникают трудности в локализации данного географического объекта. Высказан ряд предположений по поводу того, какая река скрывается под названием Русиййу.[4] Более других под описание ал-Идриси подходит река Риони. Такого мнения, в частности, придерживался академик Б. А. Рыбаков.[5] Обращает на себя внимание тот факт, что река Русиййу являлась судоходной. Ал-Идриси отмечает, что: «по ней плавают небольшие лодки, которые используют для перевозки легких вещей – товаров и припасов,

[1] Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы / Перевод И. Г. Коноваловой. М., 2006. С. 118.

[2] Там же.

[3] Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 9.

[4] Подробно см. И. Г. Коновалова Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 171–172.

[5] Рыбаков Б. А. Русские земли по карте ал-Идриси 1154 года. Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. XLIII. М., 1952. С. 15.

переправляемых из одного места в другое».[1] О судоходнсти реки Риони имеются указания ещё в античных источниках. Однако в действительности Риони находится в 240 км от Трапезунда, что вдвое превышает данные ал-Идриси. Таким образом, в отличие от малоазийского города Трапезунда, гидроним Русиййу не поддается уверенной локализации. Следующим населенным пунктом, расположенным в 150 милях за рекой Русиййу на восточном побережье Черного моря, у ал-Идриси значится город Ашкасиййа. Суммировав расстояние от хорошо известного Трапезунда до Русиййу и от Русиййу до очередной точки маршрута Ашкасиййи, получаем цифру 225 миль или 349,8 км, что практически точно соответствует расстоянию от Трапезунда до средневекового Севастополиса (античная Диоскуриада, современный Сухум – Авт.), которое при каботажном плавании составляет 351 км.[2] Впервые Ашкасиййу ал-Идриси отождествил с античной Диоскуриадой немецкий ученый Конрад Миллер.[3]

Ещё в конце XIX в. в ходе раскопок, которые вел В. И. Сизов, было определено месторасположение средневекового Севастополиса («Цхума» грузинских летописей, по-абхазски – Акуа). «На обширной плоскости мыса по левому берегу реки Беслетки в конце XI–XIII вв. стояло множество деревянных зданий, разделенных улицами и переулками. Здесь находилась пристань, затем торговая площадь, а дальше на окраине поселка кладбище. На господствующей вершине на случай вражеских вторжений возвышалась цитадель – замок Баграта».[4] В городе развивалось ремесленное про-

[1] Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы / Перевод И. Г. Коноваловой. М., 2006. С. 118.

[2] Лоция Черного моря № 1244, Экз. № 9809. 1968. С. 219–250.

[3] Miller K. Mappae arabicae: Arabische Welt und Landerkarten. Bd. I. H. 2. Stuttgart. 1926. S. 44.

[4] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. М., 1980. С. 103.

изводство, работали кузни и гончарные мастерские. О торговых связях Севастополиса свидетельствуют выявленные археологами многочисленные обломки глиняной посуды, которая завозилась из Крыма, Византии, Поволжья и др. В XI–XIII вв. в окрестностях города были построены Беслетский арочный мост, монастыри на склонах Сухумской горы, в ущелье рек Басла и Келасур.

В 20 милях от города Ашкасиййа, по информации ал-Идриси, располагался город Ашкала. «Между городом Ашкала и морем около шести миль. Это город небольшой, но оживленный, его округа имеет всего вдоволь для пропитания его жителей».[1] Под Ашкалой, по нашему мнению, следует понимать политический и административный центр Абхазского воеводства – Лыхны, населенный пункт, позже служивший резиденцией абхазских владетелей. Расстояние в 20 миль между Ашкасийей и Ашкалой, указанное сицилийским ученым, практически точно соответствует протяженности берега от современного Сухума до бухты Гудауты, которое составляет 31 км.[2] От Ашкалы до морского побережья, по ал-Идриси, 6 миль или около 9 км, что не на много превышает расстояние от Гудаутской бухты до центра села Лыхны, которое составляет около 6 км. На его территории находится несколько крупных архитектурных памятников. Это, прежде всего храм, построенный на рубеже X–XI вв. К X в. относится и первый (ранний) строительный ярус дворца владетелей Абхазии, расположенного на Лыхненской площади. Большой раннесредневековый крепостной комплекс Абаата возвышался на левом берегу реки Хыпста. «Вся территория комплекса площадью до двух гектаров обнесена мощными стенами с башнями, толщина кладки которых достигает трех метров. В южной части крепости вскрыты развалины храма».[1] Большой храм располагался и неподалеку от Лыхны на Бамборском мысу. В эпоху позднего средневековья данный населенный пункт фигурирует в источниках в качестве небольшого городка Зуфу.

Следующим пунктом маршрута по восточному побережью Черного моря значится город Астабриййа. «Этот город стоит у моря. Это цветущий, населенный город с оживленными рынками, обширной округой и искусно возведенными постройками. Большая часть его жителей – купцы, их имущество изобильно»,[2] – сообщается в «Нузхат ал-Муштак». Астабриййа располагалась на морском берегу в 20 милях (31 км) от Ашкалы. На наш взгляд, есть основания локализовать город Астабриййа в секторе Пицунды. Пицунда – древний городской центр Абхазии, средневековая история которого еще недостаточно изучена, «но о его значительности говорят некоторые находки, например, свинцовые печати, вообще редкие в этом регионе».[3] Со времени поздней античности город играл роль крупного религиозного центра. Здесь найдены остатки нескольких христианских культовых сооружений. В X в. в Пицунде был воздвигнут большой храм, ставший резиденцией абхазского католикоса. «О процветании северо-западной Абхазии в эпоху раннего средневековья свидетельствует и крупный архитектурный комплекс в селе Алахадзы, расположенный тоже на Пицундском мысу».[4] Ряд зданий в Пицунде были декорированы мрамором, его фрагменты обнаружены при раскопках. Мрамор в Восточ-

[1] Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы / Перевод И. Г. Коноваловой. М., 2006. С. 118.

[2] Лоция Черного моря № 1244, Экз. № 9809. 1968. С. 215–218.

[1] Дзидзария Г. А. Лыхны (Очерк дореволюционного прошлого села). Сухуми, 1986. С. 10.

[2] Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы / Перевод И. Г. Коноваловой. М., 2006. С. 118.

[3] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002. С. 68.

[4] Там же. С. 118.

ное Причерноморье поставлялся из Византии, особенно активно в середине VI в. Он использовался для устройства интерьеров христианских храмов и их облицовки. В средние века архитектурные фрагменты из византийского мрамора находили вторичное применение, при строительстве новых церквей. Сообщение ал-Идриси об Астабриййе как о «городе с искусно возведенными постройками» как нельзя лучше соотносится с наличием в Пицунде и её окрестностях значительных сооружений, прежде всего культового характера. Согласно «Нузхат ал-Муштак», Астабриййа являлась крупным торговым центром, здесь были устроены рынки, проживало богатое купечество. Известно, что в средневековье особо почитаемые святыни притягивали не только многочисленных паломников, но и предприимчивых негоциантов. Зачастую религиозный и торговый центры были совмещены. Богатая древними христианскими традициями Пицунда, ставшая резиденцией абхазского католикоса, могла претендовать на роль процветающего купеческого города. В период генуэзской колонизации здесь располагалась фактория Пецонда.

В двадцати четырех милях (37 км) от города Астабрийа, согласно ал-Идриси, находился город ал-Ланиййа. На наш взгляд, этот город можно локализовать в секторе Цандрипш – Гечрипш, в 30–35 км от Пицунды.[1] В Цандрипше, в эпоху раннего средневековья, было построено древнейшее культовое сооружение Абхазии – базиликальный храм. Во время археологических раскопок были обнаружены гробницы, предметы культа, до 70 фрагментов мраморного декора, «на одном фрагменте сохранилась часть греческой надписи… Наиболее вероятный вариант восстановления слова «Абазгский».[2] По мнению Хрушковой, именно Цандрипшский храм был построен в VI в. по приказу византийского императора Юстиниана для абасгов.[1] Безопасность Цандрипша и близлежащей местности обеспечивалась мощной крепостью, расположенной в ущелье реки Хашупсе. Она же контролировала стратегически важный перевал на Северный Кавказ. В устье Хашупсе сохранились остатки крепости и большого порта,[2] который на итальянских картах XIV в. значился как Абаза (Uogasia, Auogassia, Layazo). Город – порт носил название, одноименное этносу. Обращает на себя внимание замечание ал-Идриси в отношении ал-Ланиййи о том, что «по этому городу его народ назван аланами.[3]

Сведения о названных городах, по мнению В. М. Бейлиса, попали к ал-Идриси из вторых рук, подлинные названия большинства населенных пунктов на маршруте Трапезунд – Матрега (Тамань) остались информатору неизвестными,[4] поэтому, приведенные географом наименования городских центров Ашкасиййа, Ашкала и Астабриййа сложно увязать с кавказской топонимикой. Название же страны и одноименного с ней города ал-Ланиййа созвучны этнониму «алан». В связи с этим, необходимо установить, о каких ал-ланиййун и ал-Ланиййи могла идти речь в сочинении сицилийского ученого. Отождествление страны ал-Ланийи «Нузхат ал-Муштак» с Аланией заставляло исследователей локализовать упомянутые города на Северном Кавказе, наперекор указанию ал-Идриси об их приморском расположении. Даже в эпоху наивысшего расцвета границы сред-

[1] Лоция Черного моря № 1244, Экз. № 9809. 1968. С. 201–212.

[2] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002. С. 169.

[1] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002. С. 175.

[2] Пачулия В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968. С. 107.

[3] Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы / Перевод И. Г. Коноваловой. М., 2006. С. 118.

[4] Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1982. С. 229.

невековой Алании не достигали побережья. Все известные административные и культовые её центры находились на значительном расстоянии от берегов Черного моря. Кроме того, данные об аланах арабских ученых и путешественников, предшественников ал-Идриси (ибн-Русте, ал-Масуди др.), с трудами, которых он был хорошо знаком, никак не могут быть увязаны с ал-Ланиййей, которую описывает палермский географ. По справедливому замечанию И. Г. Коноваловой, у ал-Идриси «со сведениями более ранних географов может быть связано» только упоминание «Ворот алан» (Баб ал-Лан) Дарьяльского ущелья.[1] Давая характеристику Черного моря (бахр Нитас), ал-Идриси перечисляет города и страны, расположенные на его побережье, и включает в этот список Ашкалу и ал-Ланиййу.[2]

На наш взгляд, есть основания отожествить страну ал-Ланиййю «Нузхат ал-Муштак» с Абхазией. Аргументом в пользу такого вывода может служить ссылка на летопись начала XIII в. «История и восхваление венценосцев», в которой говорится: «Царь (Георгий V Багратиони – Авт.) предался отдыху, развлечениям и охоте. В зимнее время он иногда переходил в Залихскую Имерию и доходил до моря Понтийского, при этом охотился по всей Аланской земле, то есть в Абхазии…».[3] Такое смешение терминов (топонимов) произошло не только в тексте грузинской хроники, в плену подобной ошибки оказывались и византийские авторы. В. М. Бибиков, в частности, отмечал «неточность дефиниций византийцев в отношении трех» кавказских народностей авасгов, аланов и албанов.[4] «Для истории Кавказа весьма существенно на-

[1] Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 177.

[2] Там же. С. 68.

[3] История и восхваление венценосцев / Перевод К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954. С. 25–26.

[4] Бибиков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. Серия византийская библиотека. С.-П., 1999. С. 278–279.

личие какой-то связи Алании и Авасгии, констатировали А. П. Каждан и Р. М. Бартикян, … известно, что в глазах византийцев XI–XII вв. аланы даже смешивались с авасгами».[1] В связи с этим, можно привести цитату из сочинения Иоанна Цецеса, писателя XII в., о византийской императрице Марии Авазгине (Авасгиссе), которую, по его мнению, многие необоснованно называют аланской женщиной.[2] Этноним «алан» с территорией Абхазии связывали авторы более позднего времени, так Вахушти Багратиони сообщает о том, что абхазский царь Леон II своему наместнику в Севастополисе (Цхуми) «дал земли за Эгриси, Анакопию вместе с аланами…».[3] Исследователи А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий обращают внимание на свидетельство арабского ученого XIV в. Ибн Халдуна о стране Алании и ее главном поселении Савтали на берегу Черного моря. По их мнению, «автор спутал Аланию с Абхазией, и тогда Савтали – это город Севастополь Великий».[4]

На территории страны, которую ал-Идриси именует ал-Ланиййей, помещался ряд населенных пунктов. Ашкасийа, Ашкала, Астабриййа, Ал-Ланиййа обозначены на карте именно как города – небольшими кружочками с 6-ю радиальными линиями. Расстояния между городами ал-Ланиййи, приводимые ал-Идриси, вполне сопоставимы с реальными расстояниями между городскими центрами средневековой Абхазии, хорошо известными в последующий период итальянским картографам. Без сомнения, ал-Идриси описывает

[1] Каждан А. Бартикян Р. Послания константинопольского патриарха Николая I // Историко-филологический журнал. 1976. № 1. С. 281.

[2] Joannis Tzetzae. Historiarum variarum Chiliades / graece ed.Th. Kiesslingius, Lipsiae, 1826. V, 576-600. P. 179.

[3] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Перевод Н. Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976. С. 221.

[4] Белецкий Д. В. Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. М. 2011. С. 46.

край небольших городов на восточном побережье Черного моря, процветающих за счет морской торговли, а не одну из областей Северного Кавказа. Нельзя не согласиться с исследователями, которые предлагают при идентификации географических названий анализировать их не в качестве изолированных пунктов, а в составе дорожника, к которому они относятся.[1] Описывая восточное Причерноморье, географ не мог обойти вниманием абхазское побережье.

Город Ашкасиййа назван в труде ал-Идриси в качестве административного центра пограничной области страны ал-Ланиййа. Речь в данном случае, скорее всего, идет об этнической границе. Средневековый Севастополис (Ашкасиййа) (Цхум грузинских летописей – Авт.), являлся, главным городом одноименного воеводства, населенного абхазами, соседствовавшим с воеводством Одиши, основное население, которого составляли эгры (менгрелы). Ал-Ланиййиа по «Нузхат ал-Муштак» занимала значительную территорию, гораздо восточнее Ашкасиййи, её земли пересекала река Русиййу. Это сообщение может служить указанием на политические границы Абхазского царства, или государства Багратидов, выходившие за рамки расселения абхазского этнического элемента.

По словам В. М. Бейлиса, «…сообщение ал-Идриси о маршрутах плаваний в море ал-Бунтуси, хотя и не дает сколько-нибудь подробных описаний ремесел и торговли в причерноморских городах, все же является убедительным свидетельством оживленности торговых путей в бассейне Черного моря, охвативших все его побережье…».[2] Это утверждение, в полной мере, можно отнести и к восточному

[1] Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 9.

[2] Бейлис В. М. Ал-Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н /Дону, 1988. С. 74.

Причерноморью, где были расположены описанные палермским ученым города, в которых, по нашему мнению, справедливо полагать населенные пункты Абхазии.

Существование городских центров на территории Абхазии фиксируется со времен античности. Сложившиеся в ходе римских завоеваний как форпосты – опорные пункты римлян, а позже византийцев, эти города переживают в эпоху поздней античности глубокий кризис. Ю. Н. Воронов датирует завершение истории римско-византийского Севастополиса VII в., обращая внимание на скудность «археологических источников» о городской жизни этого периода,[1] а Л. Г. Хрушкова отмечает, что «после 542 г. жизнь античного города (Питиунта – Авт.) в прежних формах не возродилась».[2] В период средневековья городские традиции восстанавливаются. Возрождение городских центров средневековой Абхазии произошло в ответ на местные хозяйственные и культурные потребности. Средневековые города не были похожи на прежние, хотя и располагались вблизи или непосредственно на месте древних римских (византийских) поселений. Они синтезировали административные, торгово-ремесленные, культурные и религиозные функции, без сомнения, играли большую роль в жизни региона. В XIII в. территория Абхазии покрылась густой сетью генуэзских факторий. Успеху генуэзской колонизации в регионе, на наш взгляд, способствовали наличие городской жизни и проверенные временем торговые контакты.

[1] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. М., 1980. С. 99.

[2] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002. С. 70.

Об Абхазском княжестве и Цхумском воеводстве

История становления и развития государственной территории Абхазского царства, а также политических единиц, возникших после его распада, требует глубокого всестороннего изучения.

Вахушти Багратиони приводит перечень воеводств Абхазского царства с указанием их границ и относит разделение государства на административные единицы к концу VIII в. Он сообщает: «Посадил [эристава] абхазов и дал ему Абхазию и Джикетию до моря и Хазарской реки; Посадил [эристава] в Цхоми и дал ему территорию за Эгриси – Анакопию с Аланией; Посадил [эристава] в Бедия и дал ему восточную часть Эгриси до Цхенис-цкали; Так как к тому Леону присоединились доставшиеся Одзрахосу земли с юга от Чорохи, отложились от эристава Одзрахоса, назвали [эту землю] Гурией и поставили там эристава своего; Посадил эристава Рача-Лечхуми; Посадил [эристава] Сванети; Посадил [эристава] в Шоропани [владетель] всей Аргвети к востоку от [реки] Риони и Ханис-цкали до Лихи; Посадил в Кутаиси [эристава] Ваке, Окриба. Земель к западу от Ханис-цкали до Гурии и западнее Риони до Цхенис-цкали».[1] Соглашаясь с тем, что разделение Абхазского раннесредневекового государства на воеводства могло произойти при первом царе, позволим

[1] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Амичба Г. А. Сухуми, 1986. С. 68–69.

себе усомниться в том, что приведенная грузинским историком сетка АДТ сформировалась к концу VIII – началу IX в. Список воеводств Вахушти, скорее всего, относится ко времени функционирования отлаженной системы административно-территориального деления Абхазского царства и не отражает реальностей этапа её становления. Очевидно, он воспроизводит административно-территориальное деление, сложившееся в Абхазском царстве к X – началу XI в. Раз возникнув, административное деление государственной территории не оставалось постоянным. Причиной динамики границ являлись войны, усобицы, внутридинастические конфликты. Происходило увеличение или уменьшение числа административных единиц, их укрупнение и разукрупнение, корректировка рубежей.

Исходя из данных летописи «История и восхваление венценосцев», в 80-х гг. XII в., в период правления царицы Тамар, структура административно-территориального деления выглядела следующим образом: «Эриставами в то время были: в Имерии, за Лихскими горами: Барам Варданисдзе – в Сванети, Кахабер – в Раче и Таквери, Дотагод Шарвашидзе – в Цхуми, Аманелисдзе – в Аргвети, Бедиани – в Одиши. В Америи, по это сторону Лихских гор: Рати Сурамели – в Картли, Бакур юный, сын Дзагама, – в Кахети, в Эрети – сын Григола Асат, который силою отнял должность у Сагира Колонкелисдзе; спустя немного времени, он ее передал сыну своему Григолу, так как выпросил себе место Аришиани и право сидения на подушке. Эриставом и спасаларом в Самцхе определили Боцо Джакели. Другие должностные лица, имевшие право стояния во дворце пред троном, назначены были сообразно с их происхождением».[1] В источнике значатся имена пяти залихских воевод (эриставов). Среди них отсутствует воевода Абхазии (Абхазское во-

[1] Картлис цховреба (История Грузии) / Пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 257-258.

еводство могло быть объединено на какое-то время с Цхумским); Цхумским воеводой назван Дотагод Шервашидзе, а воеводой Одиши – Бедиани.[1]

Шервашидзе, по мнению З. В. Анчабадзе, вели свое происхождение от ширванских шахов из династии Кесрани. На это указывает «древнегрузинская форма их фамилии…, которая в дословном переводе означает «сын ширван-шаха».[2] Согласно традиции, переселение в Абхазию представителя династии ширванских шахов связывают с именем царя Давида I Возобновителя.[3] В 1120 г. ширванский шах признал себя вассалом Давида, четыре года спустя Ширван был полностью покорен царем: «отправился в Ширван и взял город Шамаху … весь совершенно Ширван».[4] Известно, что сельджукского правителя Ани, завоеванного в том же 1124 г., царь переселил в Абхазию, автор летописи «Житие царя царей Давида» сообщает: «И увел Буласвара с восемью сыновьями его и рабынями, и невестками и отправил в Абхазию».[5] Такое же решение, судя по всему, было принято и в отношении представителя дома ширванских шахов. Одного из его потомков мы видим во главе Цхумского воеводства в 80-х гг. XII в.

Исходя из данных «Истории и восхваления венценосцев», название Бедийского воеводства было изменено на Одиши, правителями же его оставались потомки бедийских воевод, об этом свидетельствует их фамилия-титул Бедиани

[1] История и восхваление Венценосцев. (Перевод К. С. Кекелидзе). Тбилиси, 1954. С. 37.

[2] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 192.

[3] Гулия Д. И. История Абхазии. Собрание сочинений Т. 6., Сухуми, 1986. С. 188.

[4] Житие царя царей Давида / Перевод свящ. И. Зетеишвили // Символ. Париж, 1998. № 40, С. 290.

[5] Там же.

(Бедиели).[1] Своим возвышением Бедия была обязана первому представителю династии Абхазских Багратидов Баграту. Он перенес из Гудаквы в Бедию религиозный центр, построил храм, в котором устроил свою усыпальницу.[2] Последнее свидетельствует о том, что данная территория была выделена в удел Баграту по прибытии его в Абхазию в 70-х гг. X в. Прах скончавшегося в мае 1014 г. в Тао Баграта «забрал эристав-эриставов Звиад и упокоил в Бедии»,[3] сообщает «Летопись Картли». В дальнейшем Бедия являлась центром одноименного воеводства, заменив прежний центр, скорее всего, Гудакву. Переименование Бедийского воеводства в Одишское могло быть связано со смещением пункта пребывания царских агентов восточнее. Возможно, возникла необходимость в разведении религиозного и политического центров воеводства.

Административно-территориальное деление, существовавшее при царице Тамар, не испытало сильных изменений в период правления её преемников: Георгия VI Лаши и Русудан. В «Летописи монгольского времени» сообщается о том, что царь Георгий Лаша «посещал Цхуми и Абхазию и справлял дела тамошние»,[4] то есть Абхазское и Цхумское воеводства снова фигурируют как отдельные административные единицы.

В 20-30-е гг. XIII в. восточная часть царства Абхазских Багратидов неоднократно подвергалась нападению хорезмийцев и монголов. Центральная власть испытывала заметный кризис, чем не преминули воспользоваться крупнейшие феодалы. Так, владетельные князья Дадиани, давно

[1] История и восхваление Венценосцев. (Перевод К. С. Кекелидзе). Тбилиси, 1954. С. 37.

[2] Летопись Картли. (Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая). Тбилиси, 1986. С. 61.

[3] Там же.

[4] Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. (Перевод со старогрузинского Г. В. Цулая). Вып 1, Текст. М., 2005. С. 16.

и успешно оспаривавшие первенство воевод Бедиани в Одиши, вплотную приблизились к осуществлению своих замыслов. Достаточно отметить, что в источниках при перечислении состава войск Багратидов, которые вели оборонительные войны с хорезмийцами и монголами, для обозначения контингента из Одиши используется не этноним или производное от соответствующего топонима, а наименование «дадиан-бедианы»,[1] что является ярким свидетельством сложившегося в Одиши своеобразного двоевластия. Представители феодального рода Дадиани играли значительную роль в царстве Багратидов. Так, министром двора при царице Тамар был Вардан Дадиани, унаследовавший должность от своего отца. Царица предоставила ему «право сидеть на подушках»,[2] что являлось особой привилегией. О степени могущества Вардана Дадиани свидетельствует характеристика, данная ему летописцем: «патрон по сю сторону Лихи крепостей Орбети и Каэни, а по ту сторону Лихи – безраздельный владыка земли до Никопсии».[3] Другим известным представителем этого рода был Цотне Дадиани.

В период царствования Русудан, и Дадиани, и Бедиани принимают активное участие в политической жизни государства: сопровождают сына Русудан Давида Нарина в ставку монголов: «Давида Нарина к татарам сопроводила (т.е. Русудан – Авт.) мтаваров лихт-имер сполна; Цотне Дадиани, человека честного и добродетельного и в сражениях именитого; Бедиани, эристава Рачинского, Гуриели и всех вельмож»,[4] а позже возводят его на престол Имеретинского

1 Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. (Перевод со старогрузинского Г. В. Цулая). Вып 1, Текст. М., 2005. С. 13.

2 История и восхваление Венценосцев. (Перевод К. С. Кекелидзе). Тбилиси, 1954. С. 37.

3 Там же. С. 47.

4 Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. (Перевод со старогрузинского Г. В. Цулая). Вып 1, Текст. М., 2005. С. 47.

царства, возникшего в результате распада государства Абхазских Багратидов, в его западной части: «… абхазы, суаны, Дадиани, Бедиани, эристав Рачи и вообще залихцы собрались в радости великой и сделали Давида царем абхазов, до самого Лихи».[1] Представитель рода Дадиани Цотне был особо отмечен монголами, они поставили его во главе одного из двух думенов, на которые была разделена залихская часть государства Абхазских Багратидов. Это не помешало ему, однако, принять участие в антимонгольском заговоре. Участвовал в нем и Бедиани. Цотне Дадиани счастливо удалось избежать наказания, а его авторитет весьма возрос.

Обладая значительным влиянием и земельными владениями в Имеретинском царстве, Дадиани претендовали на контроль над всем Одиши. После Русудан (т.е. 1245 г.), отмечает Вахушти: «эриставом Одиши был Дадиани, а Бедиели – остальной территории, Цхумского же эриставства не стало».[2] Воеводами Одиши Дадиани стали, скорее всего, при Давиде Нарине. Это был либо Джуаншер Дадиани, либо его сын. Последний, преданный вассал царя, по словам хрониста: «упорядочил Одиши».[3] Летописец именует его Дадиан-Бедианом, этот факт говорит о том, что Дадиани приняли титул воевод Одиши Бедиани. Получило официальное оформление произошедшее раннее разграничение сфер влияния и территории между Дадиани и Бедиани. Бывшие одишские воеводы Бедиани сохранили за собой небольшую, вероятно, северо-западную часть Одишского воеводства, заселенную по преимуществу абхазами. Ими же кон-

1 Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. (Перевод со старогрузинского Г. В. Цулая). Вып 1, Текст. М., 2005. С. 73.

2 Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Цит. по: Сообщения средневековых письменных источников об Абхазии. Составитель Амичба Г. А. Сухуми, 1986. С. 75.

3 Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. (Перевод со старогрузинского Г. В. Цулая). Вып 1, Текст. М., 2005. С. 86.

тролировалась и территория Цхумского воеводства. Таким образом, Бедиани сосредоточили в своих руках контроль над землями исторической Апсилии и возглавили Цхумское воеводство. Слова Вахушти о том, что «цхумского [эристава] не стало»,[1] надо понимать в том смысле, что его место занял Бедиани (Бедиели).

Шервашидзе к этому времени лишились должности Цхумских воевод. Если при Тамар они относились к числу верных подданных, приближенных к трону, то в 40-х гг. XIII в. один из ярких представителей этого рода находился на службе сельджукского султана.[2] Переход Дардина Шервашидзе к правителю Конийского султаната не мог быть случайным. Гийас-ад-Дин Кей-Хосров II возвысил Дардина и поставил его в авангарде своих войск в судьбоносной битве с монголами при Кесе-Даге в 1243 г. Характерно, что рядом с ним находился Парадовлу, сын Шалвы Торельского Ахалцихского, одного из крупных феодалов, ранее бежавший от Русудан к сельджукам. Нежелание служить Багратидам указывает на конфликт между представителями региональной знати и центральной власти. Переход Шервашидзе в ряды оппозиции мог привести к смещению их с должности Цхумских воевод. На обезглавленное Цхумское воеводство распространяет власть верный Абхазским Багратидам Бедиани. В дальнейшем происходит слияние части Одиши и Цхумского воеводства. Процесс этот был безболезненным, так как объединялись земли, населенные абхазами.

В 1259 г. распалось царство Абхазских Багратидов. В западной его части образовалось Имеретинское царство. К

[1] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Цит. по: Сообщения средневековых письменных источников об Абхазии. Составитель Амичба Г. А. Сухуми, 1986. С. 75.

[2] Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. (Перевод со старогрузинского Г. В. Цулая). Вып 1, Текст. М., 2005. С. 46.

концу XIII в. оно представляло собой, по существу, федерацию отдельных владетельств, при номинальной власти царей из рода Багратидов. Крупнейшие территориальные феодалы добились значительной самостоятельности. Представители знатного рода Дадиани окончательно закрепили за собой Одиши, Гуриели – Гурию, сванский воевода – Сванетию. Шервашидзе поставили под свой контроль Абхазское воеводство, судя по всему, они обладали здесь значительными земельными владениями. Во второй половине 90-х гг. XIII в., воспользовавшись усобицей сыновей Давида Нарина, сильнейший из князей Георгий Дадиани захватил, по словам Вахушти, и «Цхумское воеводство».[1] Цхумский воевода Бедиани был лишен власти. Утверждения ряда авторов о том, что Цхумское воеводство было отобрано владетелем Одиши у Шервашидзе, не состоятельны.[2] Источники недвусмысленно указывают на то, что последние закрепили за собой территорию бывшего Абхазского воеводства. Преемник Георгия Дадиани Мамия, ставший в 1323 г. владетелем Одиши, предпринял энергичные меры для усиления своей власти, в том числе, и в Цхуме.

Сын Давида Нарина Микел, вступивший на имеретинский престол в 1327 г., попытался «вновь воссоединить и подчинить владетелей и эриставов ... однако не смог ...изменить положение».[3] Зависимость их от царской власти ограничивалась лишь уплатой дани и помощью войском. В делах внутреннего управления княжествами владетели были вполне самостоятельны. Воцарившегося в 1329 г. сына Микела владетели и вовсе отказались признать своим

[1] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. (Перевод Н. Т. Накашидзе). Тбилиси, 1976. С. 225.

[2] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.) Сухуми, 1959. С. 235-236.

[3] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. (Перевод Н. Т. Накашидзе). Тбилиси, 1976. С. 225.

сюзереном. Под властью малолетнего Баграта оставались лишь Кутаиси и его окрестности. Таким положением дел не замедлил воспользоваться картлийский царь. В 1330 г. Георгий VII Блистательный поставил под свой контроль Имеретинское царство. Последующие 130 лет с небольшими перерывами имеретинский престол занимали представители старшей ветви Багратидов (потомки Давида Улу). В числе других владетелей и Шервашидзе признал себя его вассалом: «… Дадиани Мамия, Гуриели, эристав сванов, как и Абхазии Шервашидзе явились к нему (Георгию VII – Авт.) с большими дарами и благословили его царствование в Имеретии ...».[1] Желая укрепить свой авторитет, Георгий VII лично побывал в Гурии, Одиши и Абхазии. Вахушти сообщает, что картлийский царь «Цхомское эриставство передал Бедиели, так как первоначально был цхумским эриставом».[2] Таким образом, бывшие воеводы Бедиани были восстановлены в правах, Цхумское воеводство освободилось от власти Дадиани.

С конца XIII в. в регионе появляются генуэзские фактории. Генуэзцы ведут оживленную торговлю и не менее оживленную переписку с метрополией. Упоминаемый в деловых письмах и отчетах XIV в. «signor Bandian» («сеньор Бендиано, князь Себастополиса»,[3] на наш взгляд, Цхумский воевода Бедиани. Известно, что генуэзцы старались поддерживать хорошие отношения с местными владетелями. Так, генуэзская администрация факторий Кавказского побережья Мапы, Баты, Матреги сотрудничала с адыгскими князьям, а фактория Копа вообще управлялась совместно генуэзским консулом и местным адыгским князем».[1] «Владения генуэзцев, писал Винья (Vigna), составитель сборника документов «Codice Tauro-Ligura», не распространялись далее городской черты».[2] Можно предположить, что в этих условиях хорошо известный итальянцам «signor Bandian» имел своей резиденцией Севастополис (Цхум), князем которого назван в документах. Вряд ли под эти именем мог выступать владетель Одиши. О Цхумском воеводстве упоминает и побывавший в регионе около 1350–1360 гг. испанский миссионер-францисканец. Он называет его королевством Сант-Эстрополи,[3] по имени главного города – Севастополиса (Цхум грузинских источников – Авт.). Последний, согласно источникам, никогда не являлся столицей Одишского княжества, либо резиденцией владетелей Дадиани. Тем более, известно, что несколькими годами раннее он был закреплен за Бедиани, Георгием VII.

В начале 90-х гг. XIV в. правитель Одиши Вамек Дадиани оказал значительную политическую и военную поддержку сыну картлийского царя Баграта Великого Георгию. Это позволило ему (т.е. Дадиани) около 1392–1393 гг. распространить власть Одишских владетелей на Цхумское воеводство. Такой оборот дел не мог не вызвать негативной реакции со стороны Шервашидзе. Более того, Вамек Дадиани совершил опустошительный поход против абхазов и джикетов. Согласно данным эпиграфики, в ходе военной экспедиции владетель Одиши (Менгрелии) разрушил крепости Гагари и Угагно. В качестве трофея Вамек Дадиани вывез из Абхазии

[1] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Цит. по: Сообщения средневековых письменных источников об Абхазии. Составитель Амичба Г. А. Сухуми, 1986. С. 72.

[2] Там же.

[3] Зевакин Е. С. Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIV–XV вв. М., 1933 С. 114.

[1] Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 36–37.

[2] Цит. по: Зевакин Е. С. Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIV–XV вв. М., 1933 С. 94.

[3] Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности (об этнической ситуации в Абхазии XV– нач. XX в.) Сухум, 1992. С. 30.

большое количество византийского мрамора, который впоследствии был использован им при строительстве часовни для своих родителей, о чем свидетельствует надпись на фасаде церкви в Хоби.[4] Права владетелей Одиши на Цхумское воеводство были подтверждены в 1401 г. Георгием IX.[5] Во главе Одиши тогда уже находился сын Вамека Мамия Дадиани.

В середине 90-х гг. XIV в. Абхазия пострадала от войск Тимур-ленга. Парсадан Горгиджанидзе сообщает, что среднеазиатский полководец отправил правителя Самцхе атабага Ивана Джакели и брата картлийского царя Константина с войском тюрок и месхов на Абхазию: «Кто узнал вовремя и укрылся – спасся, а кто не укрылся, тех частью перебили, а частью забрали в плен. Абхазию подожгли, опустошили и с победой возвратились, явились к государю Тимуру».[6] Надеясь, что Абхазское княжество ещё не оправилось от тяжелых последствий двух военных экспедиций, владетели Одиши стали подумывать о расширении подвластной территории за счет соседа. В 1414 г. Мамия II Дадиани «пожелал покорить абхазов»: «По прибытии в Абхазию сразился с ними Шервашидзе с абхазами из [своих] укреплений. Истребили мегрелов, убили Мамию Дадиани, а остатки войск обратили в бегство, и бежавшие прибыли в Одиши».[7] Действие Дадиани вызвали гнев картлийского царя Александра I. Он, во главе большого войска, прибыл в Одиши. Здесь его встретил сын Мамии Дадиани Липарит, который «просил прощения за проступок своего отца».[1] Царь простил Дадиани и утвердил Липарита владетелем Одиши. После чего, Александр вознамерился помирить Шервашидзе и Дадиани. С этой целью, взяв с собой Липарита, отправился в Абхазию. «Встретил [его] Шервашидзе, который подчинялся его повелениям, как при первых царях»,[2] подчеркивает Вахушти. Следовательно, владетель Абхазии признает картлийского царя своим сюзереном, прежде всего, потому, что считает его преемником Леонидов и первых Абхазских Багратидов. Умиротворив владетелей Абхазии и Одиши, Александр отбыл в Кутаиси. Описанные события ярко характеризуют носителя царской власти как третейского судью, сюзерена, решительно вмешавшегося в конфликт своих вассалов, скорее приняв сторону Шервашидзе, чем Дадиани, так как чрезмерное усиление владетелей Одиши не отвечало интересам царя. Возможно, вскоре Дадиани утратили контроль над Цхумским воеводством.

Так, согласно источникам, в 1451 г. морской десант турецкого султана Мурада II «разорил и опустошил Цхоми, Абхазию и все морское побережье».[3] Под «Цхоми» следует понимать Цхумское воеводство, которое фигурирует в качестве отдельной административно-политической единицы.

В середине XV в. для противодействия турецкой угрозе резко активизировались усилия по созданию военной коалиции против османов. В посланиях, отправленных на Запад от имени картлийского царя Георгия X, трапезундского императора Давида Великого Комнина, в качестве одного из потенциальных участников похода назван владетель Абхазии Рабиа. В частности, отмечается, что правитель Абхазии

[4] Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М., 2002. С. 359.

[5] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.) Сухуми, 1959. С. 237.

[6] Парсадан Горгиджанидзе. История Грузии / Перевод Р. К. Кикнадзе и В. С. Путуридзе. Тбилиси, 1990. С. 54.

[7] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Цит. по: Сообщения средневековых письменных источников об Абхазии. Составитель Амичба Г. А. Сухуми, 1986. С. 72.

[1] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Цит. по: Сообщения средневековых письменных источников об Абхазии. Составитель Амичба Г. А. Сухуми, 1986. С. 72.

[2] Там же. С. 73.

[3] Там же.

(«dux Apocasiae») обещал выступить со своими братьями и вассалами и со всем своим войском. В числе коалиционеров назван некий «Bandian rex Mingreliae» («Бендиан царь Менгрелии») или «Bendas Mengrelia et Abasiae rex» («царь Менгрелии и Абхазии»).[1] По нашему мнению, лапидарность сведений не позволяет однозначно говорить о том, кто скрывается под этим именем. Стоит отметить, что ряд исследователей высказывают сомнения в подлинности этих посланий, считая их автором М. Алигьери. Последний входил в состав посольства, отправившегося к западноевропейским монархам и папе римскому. Во главе миссии стоял авантюрист Лудовико да Болонья.[2] Р. М. Шукуров отмечает: «Э. Брайер убедительно показал, что письма от Давида Великого Комнина и грузинских государей, которые привезло посольство, скорее всего, были фальшивыми».[3]

Носитель титула «Bendas Mengrelia et Abasiae rex», о котором идет речь в письме, по мнению ряда авторов, являлся главой нового политического образования. С точки зрения З. В. Анчабадзе, в конце XIV в. «сложилась крупная политическая единица Сабедиано, включавшая в себя княжество Одиши и Цхумское эриставство. Впоследствии границы Сабедиано значительно расширились за счет территории Гурии и абхазского эриставства».[4] Главами этого княжества были представители рода Дадиани, принявшие титул Бедианов. Позволим себе подвергнуть сомнению данное утверждение. Грузинским письменным источникам не-

[1] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 239.

[2] Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства XIII–XV вв. М., 1981. С. 159; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204– 1461). СПб., 2001. С. 324.

[3] Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204– 1461). СПб., 2001. С. 324.

[4] Там же.

известно княжество под названием «Сабедиано» (термин был введен в научный оборот И. А. Джавахишвили), Дадиани именуются исключительно владетелями (мтаварами) Одиши. В многочисленных эпиграфических памятниках, датируемых XIII–XVII вв., официальный титул владетелей Одиши звучит как: «эристав-эриставо мандатурт-ухуцес Дадиани (имя рек)».[1]

Бедиани, титул Бедийских, а затем Одишских и Цхумских воевод был весьма почетен и весом, предполагал права на владение значительной территорией. Его привлекательность, на наш взгляд, объясняется и тем, что земли, входившие в состав Бедийского воеводства, находилась в управлении лиц, связанных узами родства с представителями царских домов Леонидов и Багратидов. Так, земли в этом регионе были выделены в удел, племяннику Феодосия III Баграту, в будущем основателю новой династии абхазских царей. Вопрос о происхождении Бедийских воевод является дискуссионным. Высказаны предположения о принадлежности их к феодальным родам: Марушианов (Н. А. Бердзенишвили);[2] Шервашидзе (Р. О. Агрба);[3] Дадианов (З. В. Анчабадзе).[4]

Нельзя исключать, что Бедиани вели свое происхождение от Звиада Марушиани. Историки не раз указывали на то, что небезызвестные Иоанн и Звиад Марушиани состояли в родстве с Леонидами.[5] Находясь длительное время во главе Бедийского воеводства, они стали именоваться Бедианами.

[1] Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии // В Трудах АбИЯЛИ. Вып. 30. Сухуми, 1959. С. 260–263.

[2] Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 154.

[3] Агрба Р. О. Политический аспект и вопросы ономастики XIII–XV вв. / В сб. «Абхазоведение» Вып. IV. Сухум, 2007. С. 91.

[4] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.) Сухуми, 1959. С. 237.

[5] Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 153.

Любопытно, что испанский монах, посетивший Севастополис (Цхум) в середине XIV в., отмечал, что правитель королевства Сант-Эстрополи Цхумский (Севастопольский) воевода имел собственное знамя: «на знаменах короля изображена серебряная десница».[1] Из того же источника мы узнаем, что грузинский царь (царь картвелов) не имел в этот период своего знамени и выступал под флагом монгольского хана «повелителя Укслето».[2] Возможно, происхождение первых воевод Бедии позволило их преемникам, цхумским воеводам, быть обладателями собственного штандарта.

Активная завоевательная политика владетелей Одиши привела к захвату ими части территории Цхумского воеводства и отстранению от власти воевод Бедиани. Нельзя исключать, что Дадиани пытались присвоить себе титул Бедианов для того, чтобы узаконить права на данную территорию. Однако укреплению их позиций энергично противостояли как владетели Абхазского княжества, так и картлийские (имеретинские) цари, которые не желали усиления дома правителей Одиши.

В начале 60-х гг. XV в. контроль над Имеретинским царством со стороны картлийского престола был утерян. В 1462 г. внук имеретинского царя Александра Баграт победил в битве при Чихоре картлийского царя Георгия X. Дадиани, Гуриели, Чачба (Шервашидзе) и Геловани «благословили его на царство… За это выполнял он обещанное владетелям, и освободились они от подчинения за исключением [участия в совместных военных походах] и [повиновения] царскому распорядку».[3] Как видно, за оказанную Баграту поддержку, новый сюзерен несколько сузил круг обязанностей владетелей. После реставрации младшей ветви Багратидов «Имеретия (по Вахушти) состояла из одного царства и четырех владений или княжеств, ибо Дадиани получил Одиши, Гуриели – Гурию, Шервашидзе – абхазов и джиков, Геловани – Сванети и Баграт царствовал над ними».[1] После смерти Баграта в 1478 г. его сын Александр «призвал» Дадиани, Гуриели, Шервашидзе и Геловани, но они отказались присягать новому царю. Имеретинский престол вновь на короткое время перешел в руки картлийских царей. Лишь в 1488 г. Александру удалось прочно закрепиться на престоле в Кутаиси при поддержке Дадиани и Гуриели. Для признания его со стороны абхазского и сванского владетелей потребовались некоторые усилия: «покорил абхазов и сванов, хотя не в той мере, как этого хотел»,[2] сообщает грузинский историк Вахушти. Преемнику Александра «повинуются» лишь владетели Одиши и Гурии. С конца 90-х гг. XV в. Чачба (Шервашидзе) перестают фигурировать в источниках в качестве вассалов дома Багратидов.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в течение второй половины XIII–XV в. владетели Абхазского княжества, обладая значительной самостоятельностью, признавали над собой лишь верховенство царей из династии Багратидов, видя в них правопреемников Леонидов. Цхумское воеводство во главе с Бедианами в течение второй половины XIII–XV в. являлось отдельной административно-политической единицей Имеретинского царства, по слабости или по воле Багратидов, время от времени, попадавшее под контроль Одишских владетелей. К концу XVII в. земли Цхумского воеводства вошли в состав Абхазского княжества.

[1] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тбилиси, 1989. С. 47.

[2] Там же.

[3] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. (Перевод Н. Т. Накашидзе). Тбилиси, 1976. С. 228.

[1] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. (Перевод Н. Т. Накашидзе). Тбилиси, 1976. С. 228–229.

[2] Там же. С. 231.

СОДЕРЖАНИЕ

Этнополитические образования Восточного 3
Причерноморья в I – первой половине VI в. 3
Средневековая рукописная хроника о военной акции
русов в конце X в. 26
Антропонимикон царей абхазов. Имя и власть 36
Исторический портрет. Царевна Гурандухт 46
Из истории брачной дипломатии Абхазского царства
(первая половина XI в.) 57
Другая Гурандухт 66
Штрихи к портрету византийской императрицы
Μαρία τησ Αλανίασ (τησ Αβασγίασ) 75
Византийские исторические сочинения эпохи
Комнинов об абхазах 87
Страна ал-Ланиййа и её города по «Нузхат ал-Муштак» 98
Об Абхазском княжестве и Цхумском воеводстве 112

Корректор **Н.А. Хеция**
Компьтерный набор **И. Т. Кваранзия**
Компьютерная верстка **Н.Г. Гунба**
Технический редактор **Н.Г. Гунба**

Формат 84x108 1/32. Физ. печ. л. 5,25. Усл. печ. л. 8,82. Тираж 300.
Заказ № 26.

Республика Абхазия
РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.